PG 3337
.07 P7

1816

LIBRARY OF CONGRESS
00004055652

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ПРЕЖНІЕ ДОСУГИ

НИКОЛАЯ ОСТОЛОПОВА.

ПРЕЖНІЕ ДОСУГИ

НИКОЛАЯ УСТОЛОПОВА.

Москва.
У книгопродавца Ширяева.
1816.

Ostolopov, Nikolai Nikolaevich
" Prezhnie dosugi.

ПРЕЖНІЕ ДОСУГИ,

или

ОПЫТЫ

ВЪ НѢКОТОРЫХЪ РОДАХЪ СТИХОТВОРСТВА

Николая Остолопова.

Sic ludus animo debet aliquando dari,
Ad cogitandum melior ut redeat tibi.

Phedrus.

У книгопродавца А. С. Ширяева.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1816.

PG 3337
O7P7
1816

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Іюля 31 го дня 1816. *Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.*

СТИХИ,

ПИСАННЫЕ ВО ВРЕМЯ БЫВШЕЙ СЪ ФРАНЦУЗАМИ ВОЙНЫ.

2L 126.26, 19

Bl. ja 19

ЛИРИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ

при извѣстіи о кончинѣ Князя Петра Ивановича Багратіона.

В . . 21 Сентября 1812.

Гулъ страшный въ воздухѣ несется!
У воиновъ и плачь и стонъ!
Изъ ряду въ рядъ передается:
Ты мертвъ, ты мертвъ, Багратіонъ!
Воспитанникъ ЕКАТЕРИНЫ,
Герой, который Росскій духъ
Хранилъ до самыя кончины!
О свѣточь нашъ! ты днесь потухъ!

Съ тобой мы Царства пролетали,
Ты нашъ вездѣ предтеча былъ;
Съ тобой всегда мы побѣждали,
Коль ты препонъ не находилъ
Оказывать свое геройство!
О Вождь, преславный изъ вождей!
Гнать сопостатовъ — было свойство
Отличное руки твоей.

Увы! разстались мы съ тобою!
Такъ, смерть предѣлъ даетъ всему!
Сраженный пулей роковою,
Ты палъ; — миръ праху твоему!
Вопль сими прекративъ словами,
Безмолвьемъ ужасъ придаютъ,
На дулы преклонясь главами,
Потокъ сердечныхъ слезъ ліютъ.

❦

Такъ, плачьте! — онъ сего достоинъ!
Онъ былъ Россіи вѣрный сынъ:
На полѣ брани храбрый воинъ,
Въ дни мира истый гражданинъ.
Объ немъ и зависть, мать раздоровъ,
Хулы не смѣла произнесть;
Его любилъ и чтилъ Суворовъ. . . .
Какой вѣнецъ ему соплесть?

❦

О мужъ, на лаврахъ опочивый,
Безсмертія вошедшій въ храмъ!
Внемли Россіянъ гласъ тоскливый,
Взносимый нынѣ къ небесамъ,

Да тѣнь твоя въ часы сраженій
Появится средь облаковъ,
Да будетъ крѣпости намъ Геній
И ужасъ вражіихъ полковъ!

*

Да посрамится сопротивникъ,
Что бурю брани къ намъ несетъ. . . .
Господь всегда нашъ былъ защитникъ:
Накажетъ Онъ, — и Онъ спасетъ!
Терпѣнье наше испытавши,
Сотретъ злодѣевъ нашихъ рогъ,
И мы, веселый видъ пріявши,
Воскликнемъ громко: съ нами Богъ!

ПОБѢДИТЕЛЮ НАПОЛЕОНА.

Б . . Декабря 1812.

Хвала Всевышнему! — хвала тебѣ, Кутузовъ!
Рукою мощною ты низложилъ Французовъ
И далъ Отечеству отраду и покой!
Безсмертіе тебя *во славѣ* ждетъ, Герой!
Такъ, врагъ нашъ, сопостатъ Создателя и смертныхъ,
Отъ беззаконія и отъ злодѣйствъ несчетныхъ,
О коихъ мысль одна вселяетъ скорбь и страхъ,
Жить будетъ, какъ и ты, въ позднѣйшихъ временахъ!
Но что готовитъ вамъ воздать вѣковъ стремленье?
Ему проклятіе, тебѣ — благословенье!
Вотъ разность въ подвигахъ: — вѣнецъ, иль вѣчный срамъ!
Ты доблестью войдешь безсмертія во храмъ;
Тебѣ не спутники Нероны, Герострапы. . . .
Тебя благодарятъ Срацины и Сарматы,
Которыхъ наказалъ отмстительный твой мечь.
Не съ тѣмъ ты воевалъ, чтобъ ихъ жилища жечь,

Чтобъ смерти предавать младенцевъ безотвѣтныхъ,
И слабыхъ матерей и старцевъ долголѣтныхъ;
Ты побѣждалъ враговъ, но въ нихъ щадилъ людей:
Ты истинный Герой, противникъ твой — злодѣй;
Корысть — есть Богъ его, законъ его — коварство.
Поработивъ себѣ рукою хищной Царство
И ставъ изъ ничего державный властелинъ,
Онъ жаждетъ управлять вселенною одинъ.
Онъ безъ отечества — кого щадить обязанъ?
Пришлецъ не можетъ быть ко подданнымъ привязанъ.
Таковъ нашъ врагъ! — Свое онъ Царство разорилъ;
Влекомъ тщеславіемъ, чужія покорилъ,
И дерзость возъимѣлъ неслыханну дотолѣ,
На Россовъ посягнуть — извѣстныхъ въ бранномъ полѣ,
На Россовъ, коимъ свѣтъ подобныхъ не видалъ,
Которымъ Царь-Отецъ покоя лишь желалъ,
Онъ завистью вскипѣлъ, и въ мысли горделивой
„Я живъ еще," сказалъ, „и есть народъ счастливой!
„Да будетъ сей народъ растерзанъ и попранъ!"
Сказалъ, и сонмы войскъ подвигнувъ съ разныхъ странъ,
Какъ тать, онъ вторгнулся въ Россійскіе предѣлы,
Низвергнулъ олтари, разграбилъ грады, селы,

Какъ язва все губилъ, разрушилъ всѣ права,
Вспылала отъ него и древняя Москва! . . .
О ужасъ! онъ готовъ давать намъ былъ законы,
И въ радости мечталъ, что нѣтъ къ тому препоны!
Но Богъ воззрѣлъ на насъ — и что Наполеонъ?
Изчезли замыслы какъ преходящій сонъ,
Погибель зритъ вездѣ, въ душѣ его — терзанье.
Тебя Господь послалъ злодѣю въ наказанье,
Кутузовъ! храбрый Вождь Россійскихъ грозныхъ силъ!
Ты вражески полки разсѣялъ, изтребилъ. . . .
Спаситель! торжествуй! — Но что я днесь предвижу?
Намъ зарево Москвы освѣтитъ путь къ Парижу.
Гряди съ надеждою, съ молитвами сердецъ!
Искореня врага, ты дашь враждамъ конецъ,
Монарха нашего, Отечество прославишь
И памятникъ себѣ незыблемый поставишь!

МОЯ МОЛИТВА.

С. П. Б. 18 Января 1813.

Сбылось предчувствіе мое (*),
Сбылось — Россія торжествуетъ!
Воззрѣлъ Всевышній на нее,
И паки милость ей даруетъ:
Уже возникшіе на насъ
Погибли сонмы сопостатовъ;
Ихъ вождь, никѣмъ непобѣдимый,
Бѣжалъ отъ Русскаго меча.

О Ты! Властитель, Судія
Царей, народовъ и вселенной!
Къ Тебѣ стремится мысль моя
И гласъ, съ душею умиленной!
Великій! Ты Россію спасъ!
Твоя десница всеблагая
Отъ бездны золъ ее отторгла
И въ славѣ днесь превознесла.

(*) Сіе относится къ послѣдней строфѣ Лирической пѣсни на кончину Князя Багратіона.

Продлижъ надъ нею благодать!
Ты испыталъ ея терпѣнье;
На насъ дерзающимъ возстать
Пошли и кротость и смиренье!
Ихъ дерзость только имъ вредна,
А намъ — число побѣдъ умножитъ;
Да процвѣтетъ у нихъ спокойство! . . .
Мы братій зримъ и во врагахъ.

Продли, Всесильный, благодать!
Да счастливо жить будемъ въ мирѣ!
Сердцами станемъ обожать
Намъ данна Ангела въ порфирѣ!
Да зря на насъ, познаетъ свѣтъ,
Сколь та страна благополучна,
Гдѣ Царь любимъ своимъ народомъ
И гдѣ народъ любимъ Царемъ!

НА ПОГРЕБЕНІЕ

Генералъ - Фельдмаршала Князя Михаила Иларіоновича Голенищева - Кутузова - Смоленскаго

13 Іюня 1813 С. П. Б.

Ужасная смерть! устремила ты жало....
И великаго въ вояхъ не стало,
И въ совѣтахъ премудраго нѣтъ!
Увы! преселился въ безоблачный свѣтъ.

Се персть охладѣвшую зримъ передъ нами!
Мы ее не согрѣемъ слезами,
Не разбудимъ Героя тоской!
Кутузовъ! на вѣкъ мы разстались съ тобой!

Но имя свое ты безсмертнымъ оставилъ:
Ты отъ бездны отторгъ насъ, прославилъ,
И вселилъ во враговъ древній страхъ....
Твой вѣчно для Россовъ священъ будетъ прахъ!

И самое время тебѣ покорится;
До конца всѣхъ твореній промчится,
Не изгладивъ съ могилы твоей:
Сокрытъ здѣсь спаситель отчизны своей!

ЛИРИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ

при извѣстіи о новыхъ побѣдахъ.

С. П. Б. 1 Сентября 1813.

Еще побѣды гласъ раздался!
Россійскій страшный грянулъ громъ!
И врагъ, что сильно ополчался,
Бѣжитъ сраженъ, покрытъ стыдомъ!
Бѣжитъ... Бѣги, злодѣй, ко аду!
Скорѣе тамъ найдешь отраду:
Тамъ узришь нашихъ край побѣдъ!
Къ сей счастливой тебѣ юдоли
Однѣ лишь жертвы злобной воли
Для мщенья полетятъ во слѣдъ.

*

О радость! — Злые, трепещите!
За правыхъ есть заступникъ — Богъ!
Примѣръ на Галлѣ нынѣ зрите:
Онъ мечь на цѣлый міръ исторгъ,
Онъ въ буйствѣ не щадилъ святыни —
И се конецъ его гордыни!

Уже остатокъ мощныхъ силъ
Пришелъ во ужасъ и смятенье;
Одно, одно ему спасенье,
Чтобъ Россъ во гнѣвѣ пощадилъ.

Но зарево Москвы блистаетъ
Еще на вражескихъ щитахъ,
И кто изъ насъ не пожелаетъ
Злодѣевъ превратить во прахъ? —
Гряди, Монархъ, нашъ Вождь, Спаситель!
Будь за Отечество отмститель,
Послѣдній доверши ударъ;
И Россы въ славѣ вознесутся,
И Царства чуждыя спасутся:
Ихъ счастіе — Твой будетъ даръ.

КУПЛЕТЫ,

пѣтые при торжествованіи подчиненными дня тезоименитства ихъ Начальника, находящагося въ арміи.

С. П. Б. 30 Ноября 1813.

Ахъ! за чѣмъ ты не свидѣтель
Жертвы искреннихъ сердецъ,
Нашъ Начальникъ, благодѣтель,
Другъ, наставникъ и отецъ?

Но познай! — и въ отдаленьи
Мы къ тебѣ всегда одни:
Съ нашимъ пламенемъ въ сравненьи
Слабы всѣ сіи огни.

Ты теперь на полѣ брани,
Къ славѣ съ храбростью идешь;
Здѣсь къ тебѣ простерты длани,
Радость и любовь найдешь.

Будь Всевышняго рукою
Ты въ опасностяхъ хранимъ!
Наше счастье — быть съ тобою;
Лишь въ тебѣ его мы зримъ.

ПѢСНЯ

ОТСТАВНАГО СОЛДАТА.

В. . . 30 Іюля 1812.

Братцы! грудью послужите,
Гряньте бодро на врага,
И вселенной докажите,
Сколько Русь вамъ дорога!

Посмотрите! подступаетъ
Къ вамъ соломенной народъ;
Бонапарте выпускаетъ
Разныхъ націй хилой сбродъ.

Не въ одной они всѣ вѣрѣ,
Съ принужденьемъ къ намъ идутъ;
При чувствительной потерѣ
На него же нападутъ.

*

Братцы! грудью послужите,
Гряньте бодро на врага,
И вселенной докажите,
Сколько Русь вамъ дорога!

Всѣмъ на вѣрно далъ онъ слово,
Что далеко къ намъ зайдетъ;
Знаетъ: — дома не здорово,
Дома также пропадетъ.

Мыслитъ: коль пришла невзгода,
Должно славу потерять;
Такъ отъ Рускаго народа
Мнѣ и смерть честнѣй принять.

*

Братцы! грудью послужите,
Гряньте бодро на врага,
И вселенной докажите,
Сколько Русь вамъ дорога!

Вся Европа ожидаетъ
Сей погибели его,
Бонапарта почитаетъ
За злодѣя своего.

Ахъ! когда слухъ разнесется,
Что отъ насъ сей врагъ изчезъ,
Слава Рускихъ вознесется
До превыспреннихъ небесъ!

ПЕТРЪ И АЛЕКСАНДРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

Великій ПЕТРЪ, Отечества Отецъ,
За тѣмъ въ Парижѣ былъ, чтобъ Царскій свой вѣнецъ
Украсить блескомъ просвѣщенья;
А нынѣ АЛЕКСАНДРЪ, нашъ кроткій Царь сердецъ,
Давалъ уже Царямъ въ Парижѣ поученья!
И чтобы наконецъ
Примѣромъ показать уроковъ совершенство,
Для всѣхъ народовъ и Царей
Устроилъ прочное блаженство. —
Монархъ! Ты истинно достоинъ олтарей!

ЭПИТАФІЯ НАПОЛЕОНУ.

Переводъ съ Французскаго.

Прохожій! обо мнѣ ты не жалѣй ни мало!
Когда бы живъ я былъ, — тогдабъ тебя не стало.

ПѢСНЬ БОГУ

по взятіи Парижа.

Десница Господня сотвори силу, десница Господня вознесе насъ.

Радость, радость насъ объемлетъ!
Нечестивому конецъ!
Да Всевышній нынѣ внемлетъ
Гласъ восторженныхъ сердецъ! — —
Ты Россіянамъ далъ крѣпость
Бодро бѣдствія снести,
Укротить враговъ свирепость
И Европу всю спасти.

Хоръ.

Славься, славься нашъ Создатель,
Правды Богъ и благъ податель!
Славься нами Ты во вѣкъ:
Ты во крѣпость насъ облекъ!

Нашъ Монархъ однимъ Тобою
Былъ на брань руководимъ;
Къ нашему стремясь покою,
Онъ пожертвовалъ своимъ.
Какъ Отецъ своихъ подвластныхъ,
Тщится лавры имъ стяжать,
И жалѣетъ о несчастныхъ,
Коихъ долженъ поражать.

Хоръ.

Славься, славься нашъ Создатель,
Правды Богъ и благъ податель!
Славься вѣчно нашъ Монархъ,
Щитъ несчастныхъ, злобныхъ страхъ!

Божій промыслъ днесь связуетъ
Съ нами множество владыкъ;
Имъ чрезъ опытъ указуетъ,
Сколь Россійскій духъ великъ:

Съ нами въ дружбѣ побѣдили
Сонмъ безчисленный враговъ,
И себя освободили
Отъ стыда и отъ оковъ.

Хоръ.

Славься, славься нашъ Создатель,
Правды Богъ и благъ податель!
Ты Европу нами спасъ
И прославилъ вѣчно насъ!

СМѢСЬ.

ГИМНЪ КРАСОТѢ.

Изъ сочиненій Делиля.

О ты, которая, какъ повѣствуютъ намъ,
Происхожденіемъ обязана волнамъ,
Снизшедшая съ небесъ, владычица вселенной!
О ты, которую въ душѣ тобою плѣнной
Равняетъ человѣкъ лишь съ благостью святой!
Рожденная боговъ улыбкою одной!
Тебя, о красота! воспѣть я покушаюсь! —
Но, ахъ! я самъ тобой почти не наслаждаюсь;
Твореніе твое не веселитъ меня!
Уже природы видъ весна перемѣня,
Пріятной зеленью долины одѣваетъ,
Отъ зимнихъ тяжкихъ узъ ручьи освобождаетъ,
Аврорѣ блескъ даетъ, листъ новый древесамъ,
Все оживляется; — однимъ моимъ глазамъ,
Покрытымъ мрачною завѣсой отъ судьбины,
Едва примѣтны тѣ волшебныя картины.

Мильтонъ, слѣпой Мильтонъ еще ихъ меньше зрѣлъ,
Но онъ счастливѣй былъ: онъ ихъ писать умѣлъ.

Когда прелестныя искуствомъ и сердцами (*)
Свой голосъ ангельскій сливая со струнами,
За жизнь имъ данную раждали въ немъ восторгъ,
Тогда твои дары, онъ коихъ зрѣть не могъ,
Въ воображеніи мгновенно оживлялись
И съ новой прелестью въ стихахъ его являлись.
Увы! я не могу съ нимъ въ славѣ равенъ быть,
Но также не могу и образъ твой забыть.

Источникъ радости, пріятностей, богатства!
Благодѣянія ты льешь на всѣ три Царства.
То скрытно отъ очей, во глубинѣ земной,
Твоей искусною, всемощною рукой
Простые камни ты въ рубины превращаешь,
Цвѣтами разными металлы украшаешь,
Вливаешь огнь въ алмазъ, и любишь, чтобъ кристаллъ,
Сіяньемъ радужнымъ плѣняя насъ, блисталъ.
Иль, въ Антипаросѣ ты чудо представляя (**),
Альбастровые льды по каплѣ собирая,

(*) Извѣстно, что Делиль имѣлъ весьма слабое зрѣніе, а Мильтонъ былъ совершенно слѣпъ. Три дочери послѣдняго игрою на инструментахъ и пѣніемъ производили тотъ восторгъ, которымъ сей необыкновенный Поэтъ весьма часто былъ преисполненъ.

(**) Антипаросъ, небольшой островъ въ Архипелагѣ. Тамъ есть пещера, въ которой кристаллизація, происходящая отъ капели со свода, образуетъ разныя фигуры. Voyages de Choiseuil et de Milady Craven.

Велишь имъ ожидать, доколѣ Фебовъ свѣтъ,
Проникнувъ мрачный сводъ, имъ дастъ и блескъ
и цвѣтъ;
Или, изящное являя украшенье,
Живописуешь намъ кустокъ, цвѣтокъ, растѣнье,
Въ лазурь и золото спуская кисть свою;
На юныхъ деревцахъ мы руку зримъ твою,
На мрачныхъ рощахъ сихъ, вдѣ призраки летаютъ,
И гдѣ прохлада, тѣнь, безмолвье обитаютъ.
Но одаренный родъ и жизнью и душой
Отъ прочихъ отличенъ, всесильная, тобой,
И болѣе къ нему любовь твоя стремится. —
И насѣкомое красой своей гордится!
Ты въ перье звѣздное павлина убрала,
Ты дуновеніемъ жизнь бабочкѣ дала;
Неукротимый левъ и тигръ для всѣхъ ужасный
Съ величествомъ своимъ имѣютъ видъ согласный;
Олень пріятностью, проворствомъ одаренъ,
Конь смѣлый гордою осанкой награжденъ:
Онъ, голову поднявъ и мѣру давъ стремленью,
Летитъ съ отважностью къ играмъ, къ любви,
къ сраженью;
Равно украсила ты мошку и орла. —
Къ царю природы всей щедрѣе ты была.
Одинъ лишь человѣкъ, всѣмъ тварямъ предпочтенный,

Челомъ возвышеннымъ отъ прочихъ отличенный,
Въ удѣлъ свой получилъ тотъ кроткой, милой взглядъ,
Улыбка и слеза въ которомъ говорятъ.
И наконецъ его подруга въ міръ явилась.
Искуство дивное ты въ ней явить потщилась;
Она есть лучшее твореніе твое;
Ты всѣми прелестьми украсила ее:
Стыдливой скромностью ее ты одарила,
Душою пламенной и нѣжной наградила.
Одинъ бывъ человѣкъ, взиралъ на блескъ небесъ;
Узрѣлъ ее — сей блескъ въ глазахъ его изчезъ,
Она вселенной всей прекраснѣй показалась —
Ее произведя, сама ты любовалась!
Въ другомъ достойное лишь удивленья зримъ,
Но въ ней — но въ ней всегда тебя боготворимъ!

КЪ МОЕЙ ХИЖИНКѢ.

Vil capanna dal ciel non è percossa,
Ma sovra Olimpo ed Ossa
Tuona il gran Giove, e l'alte torri offende. —

Tasso.

Жилище мирное, святое,
Уединенное, простое,
Любезна хижинка моя!
Всегда тобою восхищенный,
Твоимъ убожествомъ прельщенный,
Стремлюсь теперь воспѣть тебя.

Стремлюсь, хочу тебя прославить,
Превыше зданій всѣхъ поставить,
И ихъ огромность устыдить;
Богатство, пышность предъ тобою
Назвать блестящею мечтою.
Въ нихъ можноль счастье находить?

Ни что тебя не украшаетъ,
Не мраморъ на стѣнахъ сіяетъ
И не блеститъ нигдѣ металлъ;
Но я смѣюся надъ пищетою,
Одной плѣняюсь простотою: —
Тебя не зодчій созидалъ.

Твой кровъ березы осѣняютъ;
Онѣ смиренно охраняютъ,
Чтобъ не потрясъ тебя борей;
Передъ тобой ручей струится,
Волной сверкаетъ и гордится,
Служа оградою твоей.

И холмъ, украшенный цвѣтами,
Гдѣ боги жить могли бы сами,
Пріютомъ служитъ для тебя.
Твой другъ, отъ шума удаленный,
Людьми, судьбою угнѣтенный,
Въ тебѣ счастливымъ чтитъ себя!

Пускай богачь надъ сундуками
Сидитъ за крѣпкими замками
И деньги — отъ себя хранитъ;
Богачь спокоенъ ли бываетъ?
Когда онъ сладко засыпаетъ?
Онъ жизнь свою въ тоскѣ влачитъ.

Пусть честолюбецъ ищетъ славы,
И зритъ въ войнѣ свои забавы,
И ближнихъ кровь какъ воду льетъ;
Пускай онъ лавры собираетъ:
Его проклятье угнѣтаетъ, —
Онъ братій смерти предаетъ.

Пускай, по крыльцамъ баръ скитаясь,
Чиновъ, отличій добиваясь,
Подлецъ проводитъ цѣлой вѣкъ;
Пускай возвышенъ онъ чинами,
И грудь осыпана звѣздами: —
Онъ все презрѣнный человѣкъ.

Чины того лишь украшаютъ,
Въ комъ добродѣтели блистаютъ
Подобно солнцу въ небесахъ;
А кто чрезъ лесть ихъ получаетъ,
Напрасно быть великимъ чаетъ: —
Онъ малъ, хоть и въ большихъ чинахъ.

Въ тебѣ, въ тебѣ, мой другъ любезной,
Въ сей вѣкъ испорченной, желѣзной,
Златые дни я провожу;
Въ тебѣ блаженство обрѣтаю,
Суетъ и горестей не знаю —
Въ тебѣ Астрею нахожу.

Она тѣхъ зданій убѣгаетъ,
Гдѣ роскошь, пышность обитаетъ;
Она не можетъ вмѣстѣ быть
Ни съ униженными льстецами,
Ни съ горделивыми глупцами: —
Въ одной тебѣ лишь хочетъ жить.

Въ тебѣ одной! — и я желаю,
Да жизнь мою въ тебѣ скончаю,
Бывъ другомъ ближнимъ и себѣ;
Душа моя тобою плѣнна:
Въ тебѣ умру, благословенна!
Мой прахъ останется въ тебѣ!

АМУРЪ.

Амуръ! ты въ жизни сей блаженство производишь,
И ты же къ смерти насъ чрезъ бѣдствія приводишь!
Такъ чтожъ такое ты? — Ты демонъ, или Богъ? . . . .
Увы! сего рѣшить никто еще не могъ.

ДАФНА И СИЛЬВІЯ.

(Отрывокъ изъ Тассовой пастушеской повѣсти: Aminta.)

Дафна.

Еще ли, Сильвія, ты въ юности твоей
Отъ удовольствій будешь удаляться?
Не хочешь именемъ супруги украшаться,
Ни видѣть миленькихъ дѣтей
Рѣзвящихся передъ тобою?
Ну, посовѣтуйся прилѣжнѣе съ собою!
Пора обычай свой тебѣ перемѣнить!
Къ чему годится жизнь такая?

Сильвія.

Пріятностямъ любви пусть слѣдуетъ другая,
Когда пріятности въ ней можно находить;
Моя забава: съ лукомъ и стрѣлами
Преслѣдовать звѣрей
И сильныхъ повергать рукой моей.
Или — скажу тебѣ короткими словами:
Покуда звѣри есть въ лѣсахъ
И стрѣлы у меня для лука —
Не будетъ мнѣ извѣстна скука.

Дафна.

Вотъ удовольствія! — въ твоихъ лѣтахъ?
Ты любишь то и всѣмъ пренебрегаешь
За тѣмъ, что ничего пріятнаго не знаешь.
Такъ первый смертныхъ родъ, отъ дѣтской простоты,
Не зная услаждать вкусъ пищею другою,
Ѣлъ только жолуди съ водою;
А нынѣ жолуди съ водой ѣдятъ скоты;
А мы питаемся и хлѣбомъ и плодами.
О! еслибъ, Сильвія, ты испытать могла,
Что ощущается сердцами,
Въ которыя любовь свой огнь влила,
Которымъ платятъ равной страстью,
То вѣрно бы умнѣй была
И не почла любви напастью!
Тогдабъ въ раскаяньи, со вздохомъ, со слезой
Ты призадумавшись сказала:
„Все счастіе — въ любви одной!
„Ахъ! сколько времени я тщетно провождала!
„Я лучше бы могла его употребить!
„Что дѣлалось тогда со мною?“
Такъ посовѣтуйся прилѣжнѣе съ собою!
Пора обычай свой тебѣ перемѣнить!

Сильвія.

Когда въ раскаяньи, со вздохомъ и слезами
Я буду говорить такими же словами —
Къ источникамъ своимъ всѣ рѣки потекутъ,

Отъ агнцовъ волки побѣгутъ
И зайцы робкіе погонятся за псами,
Медвѣдь на днѣ морскомъ берлогъ свой заведетъ,
Дельфинъ — на горы жить пойдетъ.

Дафна.

Я знаю, молодость не смотритъ на совѣты!
И я была въ такія лѣты,
И у меня бывалъ такой же цвѣтъ волосъ,
Румянецъ на устахъ, въ щекахъ пріятность розъ
Съ невинностью соединялась. . . .
Но чѣмъ же, глупая, тогда я занималась?
Точила стрѣлы я, иль рядъ сѣтей
Приготовляла на звѣрей,
Искала ихъ жилищъ, по ихъ слѣдамъ гонялась!
А ежели какой нибудь пастухъ
Посмотритъ на меня, то вдругъ
Съ досадой и стыдомъ глаза я потупляла,
Сердилась, что собой плѣняла,
Какъ будтобъ кто нибудь поставилъ мнѣ виной,
Когда любуются моею красотой! —
Но все со временемъ проходитъ.
И, ахъ! къ чему
Любовникъ хитрый не приводитъ!
Откроюсь я тебѣ какъ другу моему:
Увидѣла себя я скоро побѣжденной,
И — знаешь ли оружіемъ какимъ? . . . .

Слезами, вздохами, покорностью смиренной.
Я уступила имъ.
Тогда я разцвѣла душою,
Тогда узнала я, сколь я слѣпа была
Съ моею простотою;
Я Цинтію и лукъ и стрѣлы отдала
И не хотѣла жить, какъ прежде. —
О Сильвія! могу я быть въ надеждѣ,
Что ненависть твою Аминтъ поуменьшитъ,
И раноль, поздно ли, смягчитъ
Упорное твое сердечко.
Жестокая! скажи, скажи одно словечко:
Собой ли онъ не милъ? не любитъ ли тебя?
Иль отдаетъ другимъ себя
Твоей жестокости въ отмщенье?
Иль ниже твоего
Имѣетъ онъ происхожденье?
Объ этомъ ты сказать не можешь ничего.
Тебѣ отецъ Сидиппъ, котораго родитель
Былъ богъ ручья сего;
Аминта же отецъ Сильванъ, а у него
Отецъ былъ Панъ — и богъ и покровитель
Всѣхъ нашихъ пастуховъ.
Взгляни ты въ зеркало прозрачныхъ ручейковъ!
Увидишь, что тебя нехуже Аммарила;
Она давно уже Аминта полюбила.
Его ласкаетъ все, а онъ бѣжитъ отъ ней —

Къ несносной грубости твоей!
И такъ, представь себѣ — но я молю всевѣчныхъ,
Чтобъ это никогда съ тобою не сбылось —
Представь, что если бы Аминту привелось,
Озлобясь отъ твоихъ отказовъ безконечныхъ,
Влюбиться наконецъ въ соперницу твою,
Которая его такъ любитъ страстно:
Не будешь ли тогда винить судьбу свою?
И не покажетсяль тебѣ ужасно,
Когда въ ласкающихъ объятіяхъ другой
Онъ будетъ, Сильвія, смѣяться надъ тобой?

Сильвія.

Пускай и чувствами и даже самъ собой
Какъ хочетъ онъ располагаетъ;
Мнѣ это все равно. Не будучи моимъ,
Пускай принадлежитъ, кому онъ самъ желаетъ!
Ему и быть моимъ не льзя — за тѣмъ, что имъ
Владѣть я не хочу; и если бы владѣла,
Ему принадлежать тогдабъ не захотѣла.

Дафна.

Такая ненависть родилась отъ чего?

Сильвія.

Родилась — отъ любви его.

МАДРИГАЛЪ.

Похожа хочешь ли ты на Амура быть?
Глаза лишь надобно закрыть.
Захочешь ли, чтобъ онъ плѣнился самъ тобой?
Амина! — только ихъ открой.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ.

Кто какъ ни утверждай и какъ ни говори,
Но сущая то ложь, что Грацій только три!
Четыре ихъ, я радъ въ томъ спорить съ цѣлымъ свѣтомъ,
И вѣрно докажу — Наташинымъ портретомъ.

ПАСТУШОКЪ.

Я пышность, знатность презираю, —
Въ нихъ нѣтъ блаженства для меня;
Но съ завистью всегда взираю,
Любезный Дафнисъ, на тебя!
Твоею участью прельщаюсь,
О милой, нѣжной пастушокъ!
Твоимъ блаженствомъ восхищаюсь!
Ты Царь: твой скипетръ — посошокъ,
Твое владѣнье — средь лужочка,
Народъ твой — нѣсколько овецъ,
Престолъ тебѣ — сѣдая кочка,
Хвала — отъ дружескихъ сердецъ;
Но ты еще спокоенъ, воленъ,
Не хочешь покорить весь свѣтъ.
А Царь бываетъ ли доволенъ? —
Случается. . . . но чаще *нѣтъ!*

КЪ ЛИЛѢ.

Краса растѣній роза
Пріятна, какъ цвѣтетъ;
Но если отъ мороза
Изноетъ, опадетъ:
Всю прелесть потеряетъ. —
Тебѣ примѣръ она
Собою представляетъ!
Твоя пройдетъ весна,
Появятся морщины —
Какой, о Лила! ждешь
Тогда себѣ судьбины?
Въ чемъ счастіе найдешь?
Откажутся Амуры
Съ косынкою играть
И кудри бѣлокуры
Не станутъ развивать;
Не вздумаютъ ласкаться
Искателей полки,
И будутъ удаляться
И сердца и руки;
И я, пѣвецъ правдивый
Любезностей твоихъ —

Отчаянный, тоскливый —
Не видя больше ихъ,
Оставлю даръ небесной
И лиру разобью,
И *нѣкогда* прелестной
Ни слова не спою. . . . .
О Лила! знай, что младость
Ничѣмъ не замѣнить!
Что въ старости и радость
Лишь можетъ насъ томить.

ГЕРО И ЛЕАНДРЪ.

На сопротивныхъ берегахъ
Леандръ и Геро жили;
Давно уже въ сердцахъ
Они взаимную любовь носили,
Которую Нептунъ лишь разрывалъ (*).
„Любезная!“ Леандръ сказалъ,
Ужель безжалостное море
Вѣкъ будетъ умножать мои напасти, горе?
Пускай пожретъ оно меня!
И здѣсь умру я безъ тебя!
Мои всѣ чувствія исполнены тобою;
Пусть смертью приведетъ оно меня къ покою!
Смерть для нещастнаго — не зло.
О ты, которую оно произвело
Изъ нѣдръ своихъ, Венера милосердна!
На токи слезъ моихъ воззри!

(*) Сіи любовники жили въ двухъ городахъ, стоящихъ одинъ противъ другаго на Дарданелльскомъ проливѣ. Абидосъ, Азіятической городъ, былъ жилищемъ Леандра, а Геро жила въ Сестосѣ. — Вольтеръ говоритъ о сихъ городахъ:

Lieux où finit l' Europe et commence l' Asie.

Т. е.

Европы тамъ конецъ и Азіи начало.

Да не послужитъ мнѣ сія могилой бездна,
Ея поверхность усмири!"
Сказавъ сіе, Леандръ отъ брега удалился.
Плыветъ — и ночь и тишина
Благопріятствуютъ; надеждою полна
Душа его, и онъ ни мало не страшился. —
„О боги сихъ морей!
Вѣрнѣйшаго любовника спасите,
На вѣтры цѣпи наложите!
Ни лютый Аквилонъ и ни Борей
Похитить жизнь его да не посмѣютъ!"
Плыветъ Леандръ; — казалось, небеса
Участіе въ любви его имѣютъ.
Онъ зритъ уже тотъ брегъ, гдѣ юная краса
Его съ свѣтильникомъ на башнѣ ожидаетъ
И всѣ мгновенія считаетъ;
Онъ зритъ уже... какъ вдругъ.... о лютый часъ!
Свѣтящій лучь луны погасъ,
Разторгнувъ цѣпи, вѣтры полетѣли,
Вздымаясь, волны закипѣли,
Перунъ весь свѣтъ сожечь стращалъ
И громъ повсюду раздавался.
Ахъ! тщетно съ бурею Леандръ сражался,
Онъ тщетно теплыя моленья возсылалъ;
Ихъ будто заглушить сей споръ стихій старался,
Весь адъ противъ него возсталъ —
И съ жизнью онъ разстался.

Погибъ сей юноша, гонимый злой судьбой,
И буря жертвы сей лишь только ожидала:
Утихла бездна водъ, утихъ и вѣтровъ вой
И тишина вездѣ настала.
Но что же сдѣлалось съ тобой,
О Геро бѣдная, любовница нещастна!
За чѣмъ ты утушить любови огнь невластна!
И вотъ она въ низъ съ башни сходитъ,
Едва дыханье переводитъ,
Блѣднѣетъ и дрожитъ,
И къ мѣсту, гдѣ души любимца ожидала,
Гдѣ въ мысляхъ щастіе встрѣчала,
Съ какой-то робостью бѣжитъ. . . .
И, ахъ! не тщетно сердце билось!
Какое зрѣлище глазамъ ея открылось! —
Леандръ! Леандръ! мой другъ!
Едва вскричать могла — и вдругъ. . . .
О боги! ваше ли сіе опредѣленье,
Чтобы прекрасное погибло такъ творенье? . . .
Съ высокія нависнутой скалы,
Что средь сердитыхъ бурь безтрепетно стояла,
Нещастная повергнулась въ валы
На трупъ любезнаго и съ нимъ свой вѣкъ скончала.
Амуръ! нещастій всѣхъ творецъ,
Злодѣй чувствительныхъ сердецъ!
За что ты обожаемъ нами?
За толь, что насъ разишь безжалостно стрѣлами?

За толь, что въ душу страсть
Съ улыбкою вдыхаешь,
И послѣ, чтобъ явить намъ божескую власть,
Во бездну золъ ввергаешь?
Немилосердый Купидонъ!
Тебѣ пріятенъ плачь и стонъ. —
Ахъ! гдѣ сіи страны блаженны,
Въ которыхъ щастливо любовники живутъ?
Повсюду Фуріи тобою наученны
Сердца ихъ рвутъ
И мучатъ тѣмъ сильнѣе,
Чѣмъ нещастливцы тѣ вѣрнѣе!
Но нѣтъ — пускай бѣда
На насъ стремится за бѣдою,
И за любовь намъ смерть грозитъ косою —
Мы не разстанемся съ любовью никогда!

НА ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ ЛЮБЕЗНѢЙШЕЙ ЖЕНЩИНЫ.

Когда болѣзнію была ты одержима,
Когда отъ всѣхъ сокрытъ взоръ Ангельской былъ твой,
Въ то время смерть неумолима
Съ своею острою косой
Близь страждущей тебя стояла,
И жизнь твою пресѣчь желала;
Ужь хищная рука ея
На то съ восторгомъ устремлялась
И Фурія сія
Добычею своей увеселялась:
Но ты открыла взоръ —
Желанья своего злодѣйка устыдилась
И удалилась,
И восхищенныхъ Грацій хоръ,
У смертнаго одра стоящихъ,
Съ слезами на тебя смотрящихъ,
Въ единый мигъ
Небесъ достигъ,
Воспѣвъ твой нравъ, любезность, добродѣтель!
Тогда вселенныя владѣтель

Юпитеръ гласу Грацій внялъ
И милую Гигею ниспослалъ
Къ тебѣ съ сосудомъ изцѣленья.
Ахъ! что пріятнѣе сего явленья?
Блеснула на лицахъ радость у насъ,
Другъ друга съ весельемъ мы лобызали,
Другъ друга съ надеждой мы поздравляли,
И также возвысили къ вышнему гласъ:
О ты, всемощный нашъ творецъ,
Единой дланію держащій всю громаду
Безчисленныхъ міровъ! внемли мольбѣ сердецъ,
Внемли, подай отраду
Душѣ столь рѣдкой на земли,
И властію твоей всесильной
Ее отъ скорби изцѣли
И дай ей вѣкъ, веселіемъ обильной!

Совершилось, совершилось
Все желаніе теперь!
Къ ней здоровье возвратилось,
Къ радостямъ отверзлась дверь.
Какъ добрымъ сладко въ свѣтѣ жить!
Придетъ ли недугъ — всѣ жалѣютъ,
Дней собственныхъ имъ удѣлить радѣютъ!
Тебя возможноль не любить?
Ахъ, еслибъ и враговъ ты въ жизни сей имѣла,
И тѣхъ бы благъ тебѣ желающихъ узрѣла!

ЕПИТАФІЯ.

В. А. З — му.

Въ землѣ — лишь прахъ его, душа — на небесахъ;
Онъ мертвъ — покоится, мы живы — но въ слезахъ!

НА КОНЧИНУ

Ивана Петровича Пнина

17 Сентября 1805.

Дивитьсяль, смерть, твоей намъ злобѣ?
Ты не жалѣешь никого;
Ты вздумала — и Пнинъ во гробѣ,
И мы не зримъ уже его!

Но тщетно ты его сразила;
Онъ будетъ жить въ сердцахъ друзей!
Ничто твоя надъ тѣми сила,
Любимъ кто въ жизни былъ своей.

Въ семъ мірѣ все превратно, тлѣнно,
И все къ ничтожеству идетъ;
Лишь имя добрыхъ незабвенно:
Оно изъ вѣка въ вѣкъ пройдетъ!

Друзья! мы друга не забудемъ
Въ отмщеніе тиранкѣ злой,
Мы помнить вѣчно, вѣчно будемъ,
Какъ Пнинъ плѣнялъ своей душой!

Какъ онъ пріятной остротою
Любезенъ въ обществѣ бывалъ,
И какъ съ сердечной простотою
Свои намъ мысли открывалъ.

Мы будемъ помнить, что старался
Онъ просвѣщенье ускорить (*),
И что ни мало не боялся
Въ твореньяхъ правду говорить.

(*) Его сочиненія: *Вопль невинности, отвергаемой закономъ*, *Опытъ о просвѣщеніи относительно до Россіи*, и неконченное *О возбужденіи патріотизма*. С. Петербургскій Вѣстникъ, изданный имъ въ 1798 году, и многія стихотворенія, заслуживаютъ уваженіе какъ любителей Словесности, такъ и любителей Философіи. — См. изданный въ 1805 году Г. Брусиловымъ Журналъ *Россійской Словесности* No 10.

Мы будемъ помнить — и слезами
Его могилу окропимъ,
И истинными похвалами
Въ потомство память предадимъ. . . .

Блаженъ, кто въ жизни сей умѣетъ
Привлечь къ себѣ любовь сердецъ!
Блаженъ! — надежду онъ имѣетъ
Обрѣсть безсмертія вѣнецъ!

НА ПОГРЕБЕНІЕ

Графа Валеріана Александровича Зубова

24 Іюня 1804.

О смерть, чудовище, изчадье ада злое!
Ты въ мірѣ все разишь косою роковой!
И почесть и краса — ни что передъ тобой!
Ты любишь все терзать, не можешь быть въ покоѣ.

Куда мы ни воззримъ, твоя все будетъ жертва,
На всемъ окажешь власть. . . . Но что мой внемлетъ слухъ?
Плачевно пѣніе! увы, трепещетъ духъ!
Зрю гробъ и въ гробѣ семъ я зрю Героя мертва.

Доспѣхи храбраго уже не украшаютъ,
Шеломъ его и мечь другіе ужь несутъ,
Родные и друзья вокругъ его идутъ
Въ одеждѣ горести и слезы проливаютъ.

На лицахъ воиновъ я зрю ихъ душъ волненье:
Привыкли съ нимъ летать они противъ враговъ;
На лицахъ юныхъ чадъ, Отечества сыновъ (*),
Напечатлѣнны зрю и страхъ и сокрушенье!

(*) Онъ былъ Начальникомъ втораго Кадетскаго Корпуса.

А тамъ нещастныхъ сонмъ его сопровождаетъ;
Безмолвной горестью ихъ скованы сердца:
Они лишились въ немъ и друга и отца —
И каждый жизнь отдать за добраго желаетъ!

Но ктожъ сей юный мужъ? кого же смерть сразила?
Се ты, о Зубовъ! мертвъ, другъ ближнихъ и Герой!
Тебя лишились мы; — но будемъ вѣкъ съ тобой! —
И хищница — лишь персть, а не дѣла сокрыла!

Стремленья времени Герои не боятся:
На славныхъ подвигахъ лежитъ безсмертья щитъ! —
О Зубовъ! онъ тебя собою оградитъ,
Всегда твои дѣла въ потомствѣ сохранятся!

ЭПИТАФІИ.

М. Н. С — ной (*).

1.

Супруга добрая, почтительная дщерь,
И матерь нѣжная — сномъ вѣчнымъ опочила!
Остатки бренные сокрыла здѣсь могила;
Но для души ея отверзта райска дверь!

2.

Для насъ ужъ нѣтъ ее, но тамъ она живетъ,
Гдѣ добродѣтелямъ награду Богъ даетъ.

3.

Родителей, супруга и дѣтей
Она щастливила душой своей.

(*) Избрана послѣдняя.

КЪ ТАНИРѢ.

Элегія.

Танира милая! разстался я съ тобою! —
Въ ужасной горести, съ мучительной тоскою
Смотрю я на сіи мнѣ чуждыя мѣста;
Скитаюсь въ нихъ одинъ, какъ бѣдный сирота.
Проходитъ цѣлой день въ стенаніяхъ напрасныхъ;
Отрады — сна ищу, но сонъ бѣжитъ несчастныхъ;
Иду разсѣять грусть, и грусть всегда со мной!
О другъ моей души! я щастливъ лишь съ тобой,
Съ тобой спокойствіе и радость обрѣтаю!
Теперь объ нихъ, теперь совсѣмъ и не мечтаю;
И что пріятнаго тоска произведетъ?
Одно печальное на мысль ко мнѣ идетъ.
Вчера испуганъ былъ я страшною мечтою:
Ты мнѣ представилась отчаянно больною. . . .
И блѣдность на челѣ и смерть уже въ глазахъ!
Малютки близь тебя недвижимы, въ слезахъ,
Взирали на твое ужасное страданье,
Касались рукъ твоихъ, и жалость и терзанье
Однимъ безмолвіемъ старались изъявить. . . .
И ты ихъ не могла, мой другъ, благословить! —
Я слышалъ голосъ твой пронзительной, унылой. . . .

Казалось мнѣ, что ты уже съ послѣдней силой
Прости сказала мнѣ. . . . Я вздрогнулъ и вскричалъ;
Хотѣлъ бѣжать, хотѣлъ, но силъ не обрѣталъ. —
О другъ мой! не ропщи, что сталъ я малодушенъ!
Ты знаешь, я бывалъ всегда судьбѣ послушенъ,
Ея жестокости съ терпѣніемъ сносилъ,
Я чувствовалъ въ себѣ еще довольно силъ
И впредь безъ ропота быть властнымъ надъ собою;
Но мыслилъ ли когда разстаться я съ тобою?
Одно отчаянье теперь владѣетъ мной.
О вы, которые разлуки сей виной!
Вы смерти моея безвременной хотите!
Скорѣй съ Танирою меня соедините!
Тогда мы щастіе и радости найдемъ,
Въ могилу вмѣстѣ мы съ улыбкою сойдемъ!

МАДРИГАЛЪ.

(Изъ Alman. des Muses.)

Амуръ! не всякой обрѣтаетъ
Пріятности подъ властію твоей:
Въ любви *поетъ* лишь соловей,
А горлица все *стонетъ* и *вздыхаетъ*.

И такъ скажу тебѣ, и право не солгу,
Что всячески тебя я убѣгаю:
Какъ горлица *стѣнать* я не желаю,
А *пѣть* какъ соловей ни сколько не могу.

НЕВѢРНЫЯ ЧАСЫ.

Вчера лишь только на часокъ
Пошелъ я съ милою въ лѣсокъ;
Но что же? . . . до зари мы тамъ заговорились!
Причина та: часы мои остановились.

ШНУРОЧИКЪ.

Наташа! твой шнурокъ, привязанный къ часамъ,
Судьбой опредѣленъ, какъ видно, къ чудесамъ;
Онъ сдѣлалъ, что теперь я времени не знаю:
Какъ нѣтъ со мной тебя, хоть на часы гляжу,
Я счету никогда часамъ не нахожу!
Когдажъ со мною ты — о нихъ не вспоминаю.

УЯЗВЛЕННЫЙ КУПИДОНЪ.

Феокритова Идиллія.

Однажды Купидона
Ужалила пчела
За то, что покушался
Изъ улья медъ унесть.
Малютка испугался,
Что пальчикъ весь распухъ;
Онъ землю бьетъ съ досады
И къ матери бѣжитъ.
„Ахъ! маменька! взгляните,"
Въ слезахъ онъ говоритъ,
„Какъ маленькая, злая,
Крылатая змѣя
Мнѣ палецъ укусила!
Я право чуть стерпѣлъ."
Венера улыбнувшись,
Такой дала отвѣтъ:
„Амуръ! ты самъ походишь
На дерзкую пчелу:
Хоть малъ, но производишь
Ужасную ты боль."

БѢДНАЯ ДУНЯ.

Ахъ, не лебедь ходитъ бѣлая
По зеленой травкѣ шелковой!
Ходитъ Дуня, ходитъ бѣдная
Съ томнымъ сердцемъ, въ мысляхъ горестныхъ!

Не любуется цвѣточками,
Краснымъ утромъ не плѣняется,
И пѣвуньи малы пташечки
Ужь не могутъ веселить ее!

Снѣгобѣлымъ рукавомъ своимъ
Закрывая очи ясныя,
Только слезы льетъ красавица,
Только думу крѣпку думаетъ:

„На кого меня покинулъ ты,
На кого, сердечной милой другъ?
Не клялся ли ты любить меня?
Не клялась ли я тебя любить?

Я отстала отъ подружекъ всѣхъ
И отъ батюшки, отъ матушки;
Я покинула сестеръ моихъ
И сторонушку родимую;

Убѣжала и повѣрилась
Другу милому, сердечному;
Расплела я косу русую
И съ весельемъ отдалась тебѣ.

Мнѣ свѣтлѣй казалось солнышко
И цвѣточки всѣ душистѣе,
Какъ въ твоихъ объятьяхъ сладостныхъ
Забывалась я нещастная!

Ахъ! разкройся мать сыра земля!
Поглоти меня, преступницу!
Для когожъ мнѣ жить осталося,
Если милой мнѣ невѣренъ сталъ?" . . .

Тутъ пошла она по берегу,
По крутому, по высокому,
И всплеснувъ руками бѣлыми,
Погрузилась въ волны быстрыя!

КЪ ДОРИСѢ.

Дориса! пожалѣй!
Съ тѣхъ поръ, какъ я тобой плѣнился,
Ума совсѣмъ лишился,
Роланда сдѣлался глупѣй;
Но я себя еще несчастнѣй почитаю:
Онъ разумъ свой нашелъ въ лунѣ,
А я куда слетаю?
Въ луну дороги я не знаю,
Притомъ же мнѣ
Разстаться ли съ тобою
На дальній путь такой?
Послушай, что тебѣ за тайну я открою!
Знай, милая, что разумъ мой
Не такъ высоко обитаетъ;
Повѣрь мнѣ, онъ всегда летаетъ
На прелестяхъ твоихъ,
На глазкахъ плутовскихъ,
На щечкахъ, на груди, на бѣленькихъ рукахъ,
А болѣе всего — на аленькихъ устахъ. . . .
И такъ, когда желаешь
Мой разумъ возвратить, превѣрный способъ знаешь:
Тебѣ лишь стоитъ приказать
Мнѣ прелести сіи хоть разъ облобызать.

БЛАГОДАРНЫЙ АМУРЪ.

Амуръ за бабочкой гонялся —
Амуръ дитя, хоть онъ и богъ;
Однакожъ, сколько ни старался,
Никакъ ее поймать не могъ.
Я былъ съ силкомъ, мнѣ жалко стало, —
Притомъ я зналъ, служу кому,
Не медливши тогда ни мало,
Я бабочку поймалъ ему.
Малютка богъ мнѣ скокъ на шею,
И — ну какъ друга цѣловать.
„Чего ты хочешь? я умѣю
Заслугамъ цѣну полагать.“ —
Чтобы Амина. . . . „О! съ охотой
„Ее заставлю полюбить!
Я славлюсь этою работой,
Люблю сердцами я дарить.“
Тутъ оба вмѣстѣ мы пустились,
Не знаю какъ, лишь знаю то,
Что предъ Аминой очутились.
Намъ чудное — богамъ ничто!

Въ прохладной рощицѣ, тѣнистой,
Близь чуть журчащаго ручья,

На травкѣ шелковой, душистой,
Сидѣла милая моя;
Ни чѣмъ она не украшалась,
Была лишь въ платьецѣ простомъ,
И съ сею простотой казалась
Она прелестнымъ божествомъ.

Я былъ въ священномъ изступленьѣ,
Амуръ какъ вкопаной стоялъ,
Казалось, что за преступленье
Предъ милой тронуться считалъ;
Но вспомня важную услугу,
Со вздохомъ на меня взглянулъ,
„Какое слово далъ я другу!“
Сказалъ — и ручку протянулъ
Въ колчанъ невольно за стрѣлою.
Безмолвенъ я тогда взиралъ
На все съ дрожащею душою!
Потомъ онъ на колѣни сталъ,
Амины къ сердцу прикоснулся,
Умильно посмотрѣлъ на насъ,
И вдругъ какъ птичка встрепенулся,
Вспорхнулъ, взвился, изчезъ изъ глазъ.

Съ тѣхъ поръ любовью наслаждаюсь
И щастіемъ горжусь моимъ,
Судьбой съ Царями не смѣняюсь,
Когда Аминою любимъ!

МАША, ИЛИ ВРЕМЯ ВСЕГДА ОДНО.

Agli amanti infelici
Son secoli i momenti, e sono istanti
I lunghi giorni ai fortunati amanti. —

Metastasio.

Вчера подъ вѣтвями древесъ
Развѣсистыхъ, пушистыхъ,
Какъ лучезарный Царь небесъ
Уже въ водахъ сокрылся чистыхъ,
Я милой Маши дожидался.

Тогда покоился весь міръ
Въ объятьяхъ сладостныхъ Морфея;
Не спалъ игривой лишь Зефиръ,
Желанье будто бы имѣя
Поцѣловать любезну Машу.

Луна ужь на горахъ была
И свѣтъ повсюду разливала;
Но Маша все еще не шла —
Несносна грусть меня терзала,
И сердце билось, сильно билось.

Не безразсудноль говорятъ,
Тогда я мыслилъ, человѣки,
Что какъ мгновенія летятъ
Не только годы, даже вѣки,
И всѣ какъ призракъ изчезаютъ? . . . . .

Сіе тогда я отвергалъ; —
Безъ Маши каждое мгновенье
Я долѣ вѣка почиталъ,
И сдѣлалъ тотчасъ заключенье,
Что крылій не имѣетъ время.

Но что бѣлѣется вдали? . . . .
Не ангелаль я созерцаю?
Не божество ли на земли?
Не Машуль? . . . . Такъ! — уже лобзаю
Я грудь ея бѣлоатласну.

Мы сѣли — и какой восторгъ
По нашимъ чувствамъ разливался!
Какой, какой счастливой богъ
Тогда со мною бы сравнялся! . . . .
Ахъ, Маша! ты богинь прелестнѣй!

Не знаю, долголь съ ней сидѣлъ,
Не знаю, долголь восхищался,
Но вдругъ . . . . ужь солнце я узрѣлъ. . . .

Изчезло все, чѣмъ утѣшался. . . .
Я долженъ былъ разстаться съ Машей!

Разставшись съ милою моей,
Какую ощутилъ скорбь люту!
Я мнилъ, что находился съ ней
Стократно мѣньше, чѣмъ минуту!
Восторги всѣ мнѣ сномъ казались.

Тогда я истинно узналъ,
Что время все *одно* бываетъ,
И съ горестью въ душѣ сказалъ:
Оно свой ходъ не премѣняетъ;
Въ немъ разность — наше положенье.

КЪ АМИНѢ

Nous cherchons le bonheur —l'amour en est la route.
Мы ищемъ щастія, — любовь къ нему ведетъ.

Амина! сказано не ложно,
Что щастіе въ любви одной
Искать на свѣтѣ смертнымъ должно:
Любовь небесная собой
Людей всегда перемѣняетъ,
Даетъ ихъ чувствамъ новой видъ,
Любить добро ихъ заставляетъ;
Она лишь только злыхъ страшитъ.

Такъ, милой другъ мой! надо мною
Примѣръ сей очевидно былъ:
Съ тѣхъ поръ, какъ я любимъ тобою,
Себя я больше полюбилъ;
Съ тѣхъ поръ, мнѣ кажется, Амина,
Что будто я добрѣе сталъ;
Счастливцевъ лестная судьбина,
Которой прежде я искалъ,

Меня теперь не восхищаетъ:
Теперь другъ нѣжный, страстный твой

Въ тебѣ все щастье полагаетъ,
И хочетъ только быть съ тобой,
Быть неразлучно, вѣчно, вѣчно!
Чегожъ еще мнѣ пожелать,
Когда любимъ тобой сердечно?
Ты все мнѣ можешь замѣнять!

Когдажъ судьба своей рукою
Завяжетъ крѣпче *узелъ нашъ*,
Какъ будемъ властны надъ собою
И удалится всякой *стражъ* —
Тогда, Амина, другъ любезной,
Мы жертву принесемъ судьбѣ,
Жить будемъ въ тишинѣ прелестной,
Завидовать — самимъ себѣ.

Ахъ! сколь пріятную картину,
Теперь представить я могу!
Я вижу вдалекѣ Амину
Сидящую на берегу,
Тогда какъ *Шограшъ* серебрится
Меланхолической луной,
И травка и цвѣтокъ свѣжится
Душистой жизненной росой;
Я вижу — слышу голосъ милой,
Который, стройно согласясь
Съ гитарой томною, унылой,
То возвышаясь, то дробясь,

Мой плѣнный духъ обворожаетъ;
Я приближаюсь — всякой шагъ
Восторгъ мой больше умножаетъ;
Я съ нею — и въ ея глазахъ
Блаженство все мое читаю,
И не владѣя самъ собой,
Къ ногамъ любезной упадаю.
Тутъ ночь покровъ тѣнистый свой
Спускаетъ тихо на вселенну,
И мы обнявшися идемъ
Въ ту хижинку уединенну,
Щастливѣй гдѣ Царей живемъ.

Или мнѣ вдругъ на мысль приходитъ
Въ тѣ дни, когда Борей сѣдой
На всю природу сонъ наводитъ,
Я въ горницѣ сидя съ тобой
Передъ пылающимъ каминомъ,
Канастеромъ тебя дымлю;
Или за тихимъ клавесиномъ
Тебя воображать люблю:
Ты нѣжишь, услаждаешь чувства —
Я въ восхищенье прихожу,
Или нестройнымъ, безъ искуства,
Припѣвомъ милую сержу.

Или, въ кружокъ садясь съ друзьями,
О новостяхъ мы говоримъ,

Смѣемся надъ собою сами,
Смѣемся шалостямъ чужимъ,
Все критикуемъ, разбираемъ,
Но не злословимъ никого;
Или, одни въ *марьяжъ* играемъ;
Или отставши отъ него,
Ты вдругъ садишься за работу,
Я принимаюсь за стихи,
Къ которымъ страшную охоту
Мнѣ Богъ далъ — видно за грѣхи
Читателей моихъ нещастныхъ;
Но будто бы нарочно тутъ,
Отъ чувствъ, тобою плѣнныхъ, страстныхъ,
Стихи пріятные идутъ:
И льзя ли быть имъ не такими,
Когда въ предметъ беру тебя?
Или твореньями чужими
Увеселяемъ мы себя;
Или . . . . Но, ахъ! о томъ мечтая,
Лишь умножаю грусть мою!
Блаженство *въ мысляхъ* обрѣтая,
На дѣлѣ слезы только лью.

За чѣмъ, Амина! не возможно
Въ семъ свѣтѣ по желанью жить?
За чѣмъ необходимо должно
Игралищемъ Фортуны быть?

Ее мы просимъ, умоляемъ;
Злодѣйка не внимаетъ намъ!
Не живши, жизнь мы оставляемъ,
И знаемъ ли, что будетъ *тамъ*? . . . .

Смотря, какъ должно здѣсь терзаться
И въ горѣ вѣкъ свой провождать,
Тотъ можетъ *щастливымъ* назваться,
О щастьи можетъ кто мечтать.

О другъ мой! будемъ терпѣливо
Переносить мы жребій свой!
Въ подлунной все превратно, лживо:
И мы разстанемся съ тоской!
И мы, Амина! *вмѣстѣ будемъ*
Смотрѣть на блѣдную луну! . . . .
Тогда вселенную забудемъ,
Чтобъ помнить лишь любовь одну.
Теперь за грусть я награждаюсь
Любовью, милая, твоей;
Хоть часто, часто я терзаюсь —
Доволенъ участью моей!

АПОЛЛОНЪ И Я.

Дерзкой смертный! какъ ты могъ
Взяться смѣло такъ за лиру? —
О Всесильной, милой богъ!
Я вчера узналъ Таниру.
Такъ достоинства ея
Хочешь вѣрно ты изчислить?
Признаюсь, — объ этомъ я
Не осмѣлюсь даже мыслить.
Иль намѣренъ ты воспѣть,
Какъ собой она прелестна?
Мнѣль въ предметѣ то имѣть?
Слабость мнѣ моя извѣстна.
Такъ за чѣмъ же лиру брать
И на ней звучать напрасно?
Я рѣшился ей сказать,
Сколь ее люблю я страстно.
Мнѣ пріятенъ выборъ твой!
Будь щастливъ — люби сердечно!
О! клянусь самимъ тобой
Быть Танирой страстнымъ вѣчно!

ПѢСНИ.

1.

Не бушуйте, вѣтры буйные,
Перестаньте выть, осенніе!
Не къ тому ли вы бушуете,
Чтобы стоны заглушить мои?
Ахъ! скорѣй, скорѣй утихните!
И безъ васъ *она* не слышитъ ихъ. . . . .
Теремъ *милой* далеко стоитъ
За горами за высокими,
За лѣсами непроходными. . . . .
Лучше грамотку снесите къ ней;
Я слезами напишу ее,
Я скажу ей въ этой грамоткѣ:
Вянетъ травушка безъ солнышка,
Сохнетъ сердце безъ любезныя;
Съ ней въ разлукѣ нѣтъ отрады мнѣ,
Вся отрада горьки слезы лить! —
Полетите, вѣтры буйные,
Вы отдайте милой грамотку!
Если милая вздохнетъ тогда,
Принесите мнѣ вы вздохъ ея! —
Но вы все еще бушуете,

Вы не слышите нещастнаго,
Вы не внемлете мольбѣ его!
Такъ усильтесь, вѣтры буйные,
Вы умножьте бурю грозную,
Ускорите смерть нещастнаго
И развѣйте послѣ прахъ его!

2.

(*На голосъ простонародной пѣсни: Скучно, грустно мнѣ въ деревнѣ жить одной.*)

Солнце красное! оставь ты небеса,
Ты скорѣй катись за темные лѣса!
Ясной мѣсяцъ! ты останься за горой!
Вы одѣньте все ночною темнотой!
Дайте времячко укрыться отъ людей
И наплакаться объ участи моей!
Люди бѣгаютъ отъ горестей чужихъ;
Людямъ нужноль знать причину слезъ моихъ?

Ахъ! гдѣ милой мой, гдѣ ангелъ дорогой?
Не на вѣки ли простился ты со мной?
Нѣтъ ни грамотки, ни вѣсти отъ тебя!
Напиши хоть, что забылъ ужь ты меня,
Дай отраду мнѣ скорѣе умереть! —
Мнѣ на бѣлой свѣтъ постыло ужь смотрѣть!

Въ немъ не видятъ ничего мои глаза,
Покрываетъ ихъ горючая слеза.

Вы, подруженьки, вы сжальтесь надо мной,
Не шутите вы надъ лютою тоской!
Удѣлите часть вы горя моего!
Придетъ время, вы узнаете его;
Страсть злодѣйка не минуетъ никого!
Ахъ! за чѣмъ не льзя безъ горести либить?
Ахъ! за чѣмъ не льзя невѣрнаго забыть?

3.

Давно мнѣ было должно
Тебѣ любовь открыть;
Но знаю, что не можно
Тебѣ моею быть.

Судьба мнѣ заградила
Путь къ сердцу твоему;
Она опредѣлила
Имѣть препятствій тьму.

На чтожъ съ тоской напрасной,
Съ мученьемъ вѣчно жить?
Не лучшель пламень страстной
Въ груди мнѣ потушить?

Но нѣтъ! не въ нашей волѣ
Любить и не любить!
Всегда плѣняясь болѣ,
Могуль холоднымъ быть?

Какой влюбленный властенъ
Перемѣнить себя?
Пусть буду вѣкъ нещастенъ —
Умру, любивъ тебя!

Когдажъ любви, другъ милой,
Хоть искра есть въ тебѣ,
Утѣшь мой духъ унылой,
Подай надежду мнѣ!

Скажи, что рокъ ужасной
Могу я умолить!
Хоть притворись согласной
Моею, Хлоя, быть!

Ахъ! лучше утѣшаться
Пріятною мечтой,
Чѣмъ съ истиной — стараться
Прервать вѣкъ горькой свой!

СЛАБАЯ ПОДПОРА.

Сказка.

Эрастъ игралъ,
Усталъ,
Къ кусточку прислонился;
Кусточикъ повалился,
И съ нимъ Эрастъ упалъ. —
Учитель такъ ему сказалъ:
Какъ будешь ты великъ, въ ту пору
Старайся, другъ мой, не забыть,
Что лучше безъ подпоры быть,
Чѣмъ слабую имѣть подпору.

КРУГЛАЯ ПОРУКА.

На вѣточкѣ сидѣла мошка,
И мошку зябликъ съѣлъ;
А зябликомъ позавтракала кошка;
А кошку подхватилъ орелъ
И скушалъ на верху Кавказскаго утеса;
Орла, какъ слышалъ я,
Убилъ отъ скуки изъ ружья
Какой-то батюшкинъ сынокъ повѣса;
Повѣсу невзначай ужалила змѣя: —
Вотъ круглая порука
И намъ наука!
Мы всѣ на свѣтѣ таковы:
Готовы притѣснить того, кто насъ слабѣе,
А то и вонъ изъ головы,
Что есть и насъ сильнѣе.

ЮНОША И СТАРИКЪ.

Сказка, подр. Геллерту.

„Скажи, почтенный мужъ, чтобъ щастье здѣсь найти,
Какимъ путемъ идти?
Я думаю, что ты довольно его знаешь“
Эрастъ философа спросилъ.
— Послушай, юноша! когда желаешь
(Мудрецъ Эрасту говорилъ)
Найти фортуну въ здѣшнемъ свѣтѣ,
Два средства я скажу: имѣешь ли въ предметѣ
Героемъ славнымъ быть?
Такъ надобно тебѣ отечеству служить
Противъ враговъ его, и оныхъ побѣждая,
Рѣками кровь ихъ проливая,
Себя нимало не щадить.
Вотъ средство первое! Скажу теперь другое:
Когда желаешь жить въ покоѣ,
То мудрость возлюби, согражданъ просвѣщай,
Пороки, страсти отвращай,
И самъ примѣромъ будь: тогда конечно
Ты будешь незабвенъ согражданами вѣчно... —
Эрастъ ему внималъ,

И выслушавъ, пришелъ въ ужасное смущенье.
„Какъ! Боже мой!“ съ собой онъ разсуждалъ,
„Иль жизнью жертвовать, иль вѣкъ жить въ принужденьѣ!“
Мудрецъ, примѣтивъ то, съ улыбкою сказалъ:
— Еще легчайшее одно я средство знаю:
Всѣмъ кланяйся, да льсти; тебя я увѣряю,
Что щастіе тогда скорѣе ты найдешь,
Въ чины войдешь,
Заставятъ управлять доходными мѣстами,
И будешь наровнѣ съ большими Господами. —

ЗЯБЛИКЪ.

Зябликъ летая,
Вольность хвалилъ;
Чижичекъ въ клѣткѣ
Слушалъ его.

Милая вольность!
Зябликъ сказалъ,
Ты мнѣ дороже
Въ свѣтѣ всего!

Тамъ я летаю,
Гдѣ захочу;
Нѣтъ мнѣ преграды
Вѣчно нигдѣ.

Въ рощѣ, долинѣ,
Въ темномъ лѣсу,
Лишь пожелаю,
Быть я могу.

Здѣсь я съ подружкой
Милой рѣзвлюсь;
Тамъ съ нею сидя,
Пѣсни пою.

Все мнѣ къ веселью
Служитъ вездѣ —
Все мое счастье,
Вольность, въ тебѣ!

Чижичекъ! — полно
Въ клѣткѣ сидѣть;
Станемъ со мною
Вмѣстѣ летать!

Только лишь зябликъ
Рѣчь окончалъ,
Видитъ мой зябликъ
Коршунъ летитъ.

Гдѣ мнѣ укрыться? . . . .
Чуть онъ успѣлъ
Въ страхѣ ужасномъ
Только сказать,

Коршунъ стрѣлою
Въ мигъ налетѣлъ,
Въ мигъ вольнодумца
Въ когти схватилъ.

Чижичекъ вздрогнулъ,
Сѣлъ въ уголокъ,

И потихоньку
Такъ говорилъ:

„Мнѣ здѣсь и въ клѣткѣ
Жить хорошо,
Толькобъ хозяинъ
Добренькой былъ.“

УПРЕКИ АПОЛЛОНУ.

Несправедливый богъ! безжалостный отецъ!
О ты, который самъ весь въ золотѣ сіяешь,
И золота сего творецъ!
За чѣмъ дѣтей своихъ имъ мало надѣляешь?

Скажи, жестокій! мнѣ, за чѣмъ — когда ты самъ
На славной четвернѣ вседневно разъѣзжаешь
По гладкимъ, свѣтлымъ небесамъ —
Дѣтей своихъ пѣшкомъ таскаться допускаешь?

Возможноль не роптать, когда тебя
Амброзіей и нектаромъ питаютъ,
Когда ты всѣмъ довольствуешь себя, —
А дѣти съ голоду едва не умираютъ!

Тобой живится вся земля,
Тобой цвѣты цвѣтутъ, деревья зеленѣютъ
И одѣваются всѣ бархатомъ поля —
А дѣти платья не имѣютъ!

Твой славный, чудный храмъ
И злато и сребро и марморъ украшаютъ,

И благовонный въ немъ курится фиміамъ —
А дѣти въ чердакахъ подъ кровлей обитаютъ!

Ахъ! сжалься, всемогущій богъ!
На участь горькую дѣтей твоихъ взирая!
Перемѣнить ее легко бы ты возмогъ,
Однихъ лишь добрыхъ здѣсь богатствомъ награждая!

НАДПИСИ КЪ ПОРТРЕТАМЪ.

1.

Пусть многихЪ славили Поэты
За мудрость, за число одержанныхЪ побѣдЪ;
Сей мужЪ не менѣе извѣстенЪ чрезЪ газеты:
ОнЪ далЪ согражданамЪ обѣдЪ.

2.

НесходенЪ сей портретЪ:
На лбу чего-то нѣтЪ.

ДОГАДКА.

(Съ Французскаго.)

Я мало дома самъ сижу
И мало у меня гостей бываетъ,
А какъ ни погляжу,
Вино изъ бочки убываетъ.
Тьфу, пропасть! думалъ я,
Какая бы тому причина?
И наконецъ узналъ, что дочь моя,
Которой хороша личина
Къ нещастью моему природою дана,
Въ Григорья влюблена.
Пусть такъ, коль былобъ то одно; —
Да онъ влюбленъ и въ дочьку и въ вино!

НИКОДИМЪ.

Вчера нашъ Никодимъ въ собраньи находился,
И такъ заговорился,
Что началъ наконецъ женитьбу охуждать,
Опасной глупостью, нещастьемъ называть;
Женитьба, говорилъ, насъ въ узы заключаетъ
И всѣ веселья помрачаетъ!
То слушая одинъ изъ бывшихъ тутъ, сказалъ:
Друзья! не спорьте съ нимъ; уступимъ въ томъ ему!
Онъ хочетъ быть отцу подобенъ своему: —
Покойникъ также вѣкъ женатымъ не бывалъ.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Всѣ спорятъ, всѣ кричатъ, что *Летрина* творенья
Не могутъ нравиться нигдѣ и никому.
Какія ложныя бываютъ въ свѣтѣ мнѣнья!
Всѣ нравятся онѣ — ему.

2.

Дамонъ объ *орденѣ* начальство беспокоитъ!
Такъ чтожъ? безъ шутокъ — онъ *дорическаго* стоитъ.

3.

Прокатъ совсѣмъ перемѣнился,
Отъ свѣта уклонился,
Печется объ одной душѣ . . . . .
И время! ужь никто не вѣритъ ни въ грошѣ.

4.

Ей! ей!
Филюринъ хорошо рисуетъ лошадей! —
Мой другъ! вѣдь этому никто и не дивится:
Онъ часто въ зеркало глядится.

5.

Прибавленіе къ нѣкоторой одѣ.

Чтобы украсить оду эту,
То къ каждому куплету
Прибавить нужно хоръ,
Который пѣлъ бы: вздоръ! вздоръ! вздоръ!

6.

Прозьба къ Издателю Журнала.

Нашъ стихотворъ *Хилонъ* тоскуетъ,
За чѣмъ никто его ни критикуетъ.
Увѣдомьте его: онъ критиковъ найдетъ
Тогда, какъ кто нибудь стихи его прочтетъ.

7.

Теперь на партіи нашъ городъ раздѣлился!
То шепчутъ, то кричатъ: скажите, отъ чего
У *Клима* сынъ родился
Въ начальника его? —
Ну, можноль заводить объ этомъ
Такой содомъ!
Климъ изъ усердія хотѣлъ украсить домъ
Начальничьимъ портретомъ.

РАЗГОВОРЪ

ДЯДИ СЪ ПЛЕМЯННИКОМЪ.

Максимъ.

Не болѣе двухъ лѣтъ тебя я не видалъ,
Федюша! а ужь ты въ судьи теперь попалъ!

Федюша.

Чемужъ вы, дядюшка, изволите дивиться?

Максимъ.

Да гдѣжъ, скажи мой другъ, успѣлъ ты научиться?
Когда ты съ нами жилъ, не потаю грѣха,
Вѣдь грамотка твоя куда была плоха!

Федюша.

Теперь другое ужь настало просвѣщенье:
Теперь чины даютъ не за одно ученье.

Максимъ.

Загадка для меня! — Не подлостьюль какой,
Племянникъ, заслужилъ ты чинъ такой большой?
Ты долженъ завсегда гнушаться и названьемъ. . . .

Федюша.

Нѣтъ, дядюшка, не тѣмъ.

Максимъ.

Да чѣмъ же?

Федюша.

— Танцованьемъ.

Максимъ.

Прекрасныя теперь настали времена!
Вотъ участь всѣхъ гражданъ кому поручена!
Возможно ли въ судьи опредѣлять танцеровъ! —
Предмѣстникъ твой служилъ лѣтъ тридцать до Маіоровъ,
Для блага общества себя онъ не щадилъ,
Трудился день и ночь; въ немъ всякой находилъ
Судью достойнаго, защиту и подпору.
Теперь дѣла пойдутъ — о Боже мой! — къ танцеру!

Федюша.

Вы судите о всемъ по глупой старинѣ.
Вамъ странно кажется, что дали мѣсто мнѣ;
Чему дивиться тумъ? — Повыше-то взгляните!

Максимъ.

Ну, чтожъ я тамъ найду?

Федюша.

Нѣтъ, лучше не глядите;
Вы слишкомъ искренни и любите бранить.

Максимъ.

За правду старика не должноль извинить?
Теперь ужь опоздалъ знакомиться я съ лестью.

Федюша.

Да что же взяли вы съ такой безмѣрной честью?
Вамъ лѣтъ ужь пятьдесятъ, а все вы Капитанъ!

Максимъ.

Но знай, мнѣ этотъ чинъ былъ не за пляску данъ;
Я кровь лилъ за него! Пусть люди то забудутъ;
Свидѣтелями въ томъ мои всѣ раны будутъ!
Мой другъ! когда я шелъ съ оружьемъ на враговъ,
Желалъ побѣды я, а не большихъ чиновъ.
Притомъ же я служилъ, какъ долженъ Руской воинъ:
О томъ я не просилъ, чего былъ недостоинъ;
Въ переднихъ у вельможъ половъ не натиралъ,
Такъ удивительноль, что я не Генералъ?

Федюша.

Простите, дядюшка, я долженъ васъ оставить.

Максимъ.

Кудажъ такъ рано? — Въ судъ?

Федюша.

Къ начальнику — поздравить.
Теперь онъ въ радости: вчера родился сынъ.

Максимъ.

Ступай, мой другъ! авось за то получишь чинъ.

БАСНИ.

БАСНИ.

1.

Фіалка и Подсолнечникъ.

Фіалка изъ травы головку чуть казала;
Предъ ней Подсолнечникъ стоялъ,
И вѣчно скромницу собою затемнялъ.
Фіалка, видя то, однажды такъ сказала
Сосѣду своему:
„Подсолнечникъ! къ чему
Ты солнечныхъ лучей ко мнѣ не допускаешь?
Иль ты желаешь,
Чтобы я и цвѣсти ни сколько не могла?
Чтобы я высохла и послѣ умерла?
Или ты жалости не знаешь,
Мой другъ? . . . . .“ — Негодница! какъ смѣешь ты просить,
Какъ голосъ свой ко мнѣ ты смѣешь возносить?
Тебѣ назначено расти и быть чуть зримой;
Терпи лишь и молчи!
А я, я Феба сынъ любимой,
Я стану ли съ тобой дѣлить его лучи,
Съ такою низкою, презрѣнной!
Тебѣ ли здѣсь цвѣсти? Гдѣ я, краса вселенной,

Тебѣ тутъ мѣста нѣтъ! —
Едва Подсолнечникъ окончилъ свой отвѣтъ,
Вдругъ вѣтеръ засвисталъ; Фіалка приклонилась,
И вѣтеръ пролетѣлъ — Фіалка разпрямилась,
И что же видитъ предъ собой?
Подсолнечникъ, которой красотой
И силою гордился
И всѣхъ пренебрегалъ,
У корня своего сломился
И самъ къ ея ногамъ упалъ! —

Вельможи гордые! здѣсь вамъ урокъ!
Вы сильны, но и васъ сильнѣе рокъ!
Кого вы гоните, предъ кѣмъ гордитесь,
Быть можетъ, завтра съ тѣмъ сравнитесь.

2.

Львы и Оселъ.

Двумъ гордымъ Львамъ,
Которымъ не было совсѣмъ причины вздорить,
О храбрости пришло на умъ поспорить. —
Давъ волю напередъ словамъ,
Два сильные сіи героя
Дошли ужь и до боя;
Покрыла землю кровь,
Стонъ воздухъ наполняетъ,
И каждой ихъ ударъ лишь злость воспламеняетъ
И съ большей яростью велитъ имъ драться вновь.
Желаяжъ кончить споръ скорѣе,
Напружились они въ послѣдній разъ сильнѣе. . . .
Какъ вдругъ
Ихъ слухъ
Ужасной хохотъ поражаетъ;
Львы глядь — Оселъ стоитъ, со смѣху помираетъ,
Кривляется Оселъ и дразнитъ Львовъ.
Тутъ Львы опомнились. „Не стыдноль намъ!“ сказали:
„На то ли кровь мы проливали,
На то ли мучились, чтобы смѣшить Ословъ?“

О вы, которые Природою благою
Назначены плѣнять умомъ и остротой,
Любимцы Музъ! за чѣмъ всегдашнею враждою
Глупцовъ увеселять за собственный покой?
Храните дружбу вы, и ненависть забудьте!
Какъ Музы всѣ сестры — всѣ братьями вы будьте!

3.

Возы съ сѣномъ.

„Нѣтъ, нѣтъ, Гнѣдой! никакъ не уступлю!
Я унижаться не люблю!
Какъ возы повеземъ, смотри, ступай за мною!
Я въ Питерѣ возилъ Секретаря съ женою,
Да только иногда
Съ дворцовой пристани вода
Въ боченкѣ легонькомъ на мнѣ каталась;
Теперь-то черная работа мнѣ досталась!
Однако духъ мой не унылъ:
Смотри, какъ впереди пойду я горделиво!"
Такъ Рыжій говорилъ. —
Изволь идти счастливо,
Сказалъ Гнѣдой. . . . и возы повезли.
Послушайтежъ: когда дорогой шли,
Гнѣдой къ переднему все возу подвигался,
Считалъ сѣнцо, да наѣдался;
А Рыжій съ гордостью лишь удилы глодалъ,
И такъ оголодалъ,
Что до ночлегу чуть добрался.

Подобныхъ выскочекъ я межъ людьми видалъ.
У нихъ въ умѣ всегда тревога:
Чинокъ бы лишній взявъ, опередить другихъ.
Избави Господи отъ замысловъ такихъ!
Переднему труднѣй дорога.

4.

Часовая стрѣлка.

На башнѣ городской,
Съ отдѣлкой щегольской,
Съ фигурами, рѣзныя,
Изъ за моря нарочно выписныя,
Для пользы города и для красы,
Часы
Стояли.
Всѣ жители работы отправляли,
Молились, кушали и спали
По этимъ городскимъ часамъ;
Казалось, солнышко по небесамъ
Съ ихъ приказаніемъ каталося согласно:
Но вдругъ. . . . и вымолвить ужасно!
Часы забыли долгъ, художникову честь,
И цѣлой Божій день показывали *шесть!*
Сказать ли отъ чего? Причиною бездѣлка:
Ослабла стрѣлка. —

Какую же мораль къ сей басенкѣ привесть?
Я попросту скажу: куда смотрѣть досадно
И какъ не пожалѣть отъ искренней души,
Когда въ часахъ пружины хороши,
А дѣйствіе идетъ нескладно!

5.

Оселъ силачъ.

Купецъ изъ дому въ домъ перевозиться сталъ —
И лошадей кормили до отвалу.
Оселъ увидѣлъ то, присталъ,
И говоритъ: „Кони! а возятъ все по малу;
А я бы. . .“ — Ну, изволь, — сказалъ купецъ нахалу,
— Посмотримъ! — и Ослу полчетверти овса!
Поѣлъ, и запрягли и тотчасъ вьючить стали.
И вотъ работники ужь цѣлой возъ наклали. . .
Довольно ли? — Какія чудеса!
Конечно объ Ослахъ немного вы слыхали;
Да я всю эту кладь свезу одной ногой. —
Прибавили еще сундукъ, потомъ другой,
И вотъ возище нашъ сравнялся ужь съ дугой!
Довольно ли? — Вамъ, братцы, что за дѣло;
Валите смѣло,
Я тотчасъ докажу. . . . И въ мигъ рванулъ,
Напружился, нагнулся,
Еще рванулъ — и возъ вверхъ дномъ перевернулъ,
И самъ полмертвый растянулся.

Тотъ истинно похожъ на этаго осла,
Кто принимается за многія дѣла.

6.

Свѣтящійся Червячекъ и Алмазъ.

Алмазъ и Червячекъ лежали рядомъ.
Когда полдневный лучь во всей красѣ блисталъ,
Алмазъ, гордясь своимъ сіятельнымъ нарядомъ,
Сосѣду червячку съ улыбкою сказалъ:
„Теперь, я вижу, не напрасно
Въ народѣ говорятъ, что свѣтишь ты прекрасно;
Какой преяркой свѣтъ и цвѣтъ!“
Смиренный Червячекъ немножко оскорбился;
Однако до ночи оставилъ свой отвѣтъ.
И вотъ природы царь ужь въ волны погрузился,
Блеснулъ мой червячекъ, — Алмаза будто нѣтъ.
— Теперь, сосѣдушка любезный, —
Алмазу онъ сказалъ — послушай мой отвѣтъ,
Быть можетъ, для тебя и для другихъ полезный:
По блеску никогда я не сравнюсь съ тобой;
Твой блескъ — отъ солнышка, а мой — ужь точно мой.
Иной гордится,
Что онъ почтенъ и знатенъ по уму;
Возьми-ко дядю прочь, сестрицу, иль куму —
Ни въ строй, ни къ смотру негодится.

ПОСЛАНІЯ.

1.

КЪ РУСКОМУ БАВІЮ.

Объ истинномъ Поэтѣ.

О ты, дерзающій судьбѣ на перекоръ
До старости писать стихами сущій вздоръ,
Ковачь нелѣпыхъ словъ и оборотовъ странныхъ,
За деньги славимый въ газетахъ иностранныхъ,
Нашъ Бавій! за перо берусь я для тебя!
Опомнись! пощади и ближнихъ и себя!
Познай, что всѣ твои посланья, притчи, оды,
Сатиры, мѣлочи и даже переводы,
Съ тѣхъ поръ, какъ рифмачи здѣсь стали не въ чести,
Лишь могутъ на тебя безславье навести,
Лишь могутъ на вѣсахъ правдивыя Фемиды
Поставить наравнѣ съ отцемъ Телемахиды!

Тотъ жалкой человѣкъ, кто ссорится съ судьбой! —
Такъ! истинный Поэтъ не сходствуетъ съ тобой.
Онъ просто, безъ хлопотъ, собою насъ плѣняетъ;
На немъ съ рожденія печать небесъ сіяетъ;

Ему наставникъ — Богъ, природа — образецъ;
Онъ мудръ и всемогущъ — онъ самъ другой Творецъ.

Какъ сладостно внимать его восторгамъ лирнымъ,
Когда онъ, предъ Царемъ преклоньшися всемірнымъ,
Приноситъ отъ души чистѣйшій фиміамъ,
Дивится благостямъ, дивится чудесамъ,
И вновь о благостяхъ ко смертнымъ умоляетъ!
Тогда онъ Божество въ самомъ себѣ являетъ!...
Иль, взоры обративъ на сей подлунный свѣтъ,
Поетъ природу намъ! — Онъ всюду зритъ предметъ,
Воспламеняющій его ко пѣснопѣнью;
Все силы придаетъ восторгу, вдохновенью:
Видъ горъ, полей, лѣсовъ, небесная лазурь,
Трескъ грома, молній блескъ, свистъ вѣтровъ, ужасъ бурь!
Онъ мыслью возносясь, тогда эфиромъ дышетъ,
И видимое здѣсь небесной кистью пишетъ.
Но міръ сей малъ ему! превыше онъ паритъ, —
Онъ въ сонмѣ Ангеловъ себя мгновенно зритъ;
Ему открыто все, онъ всѣ проникнулъ тайны,
Постигъ дѣянія для смертныхъ чрезвычайны,
Узналъ протекшее съ рожденія временъ
И что назначено для будущихъ племенъ:
Тогда, познаньемъ дѣлъ Творца обогащенный,
Возвысивъ громкій гласъ — пророческій, священный —

Вливаетъ въ души огнь, божественный восторгъ!
Иль вдругъ — преноситъ насъ въ волшебный свой чертогъ,
Куда сопутствуетъ ему *воображенье*,
Твореній выспреннихъ душа и украшенье.
Тамъ *вымыслъ* царствуетъ, тамъ произволъ — законъ.
Здѣсь въ дѣйствіяхъ своихъ Поэтъ не зритъ препонъ;
Ему возможно все. — По сей обширной власти,
Онъ видъ и существо даетъ пороку, страсти,
И добродѣтели даетъ приличный видъ,
Онъ Фурій и боговъ и милыхъ Нимфъ творитъ,
И управляетъ ихъ дѣяньями всевластно!

Ты, Бавій, не таковъ! Ты мучишься напрасно,
Желая замѣнить трудомъ небесный даръ;
Приходишь не въ восторгъ, въ какой-то жалкой жаръ,
И въ немъ бѣснуяся, уродовъ пораждаешь,
Которыхъ съ радостью на бѣлый свѣтъ пускаешь.
Несчастный мученикъ! ты сколько ни пиши,
Стихи безъ генія — какъ тѣло безъ души.
Однихъ нахлѣбниковъ твоихъ они плѣняютъ,
И тѣ передъ тобой украдкою зѣваютъ,
Смѣются за глаза; а въ лавкахъ.... твой портретъ
Наслушался, какой даютъ тебѣ совѣтъ,

О Бавій! — Но позволь теперь съ тобой проститься,
И къ настоящему Поэту обратиться.

Сей благодатный сынъ благихъ къ нему Небесъ,
Что мыслью за предѣлъ вещей себя вознесъ,
И съ нами въ дружескомъ быть хочетъ сообщеньи,
Печется иногда о нашемъ просвѣщеньи.
То философіи храня святой законъ,
Поетъ намъ какъ Орфей и мыслитъ какъ Платонъ;
Ему покорены душа и умъ и чувства!
То правила даетъ науки, иль искусства;
И тутъ, пріятности стараясь не лишать,
Цвѣтами терніе онъ любитъ украшать:
Онъ знаетъ — лишь тебѣ урокъ сей неизвѣстенъ —
Что съ мудростью одной не можетъ быть прелестенъ,
Что страшенъ и смѣшонъ угрюмый педагогъ,
И что важнѣй всего пріятный, плавный слогъ.
Иль, свитокъ древности очами пробѣгая,
Отличныхъ доблестью Героевъ избирая,
Потомству ихъ дѣла со славой предаетъ,
И слава ихъ — его къ безсмертію ведетъ!
(Виргилій мѣньше ли теперь Энея славенъ?)
Въ сихъ повѣстяхъ Поэтъ всегда предмету равенъ:
О битвахъ ли гласитъ: тогда отъ громкихъ струнъ
Оружій слышанъ звукъ и мѣдныхъ жерлъ перунъ!

Любовь ли воспоетъ — сердецъ очарованье:
Намъ слышатся тогда и вздохи и стенанье!

Вотъ свойства главныя, вотъ истинный Поэтъ,
Котораго читать и славить будетъ свѣтъ!

Ты, Бавій, смолода на всѣ статьи пустился,
Отважился, дерзнулъ, запѣлъ и — осрамился (*).
О жалкой человѣкъ! — Имѣлъ ли ты друзей,
Могущихъ объявить о странности твоей,
Могущихъ ласкою, угрозой, иль совѣтомъ
Не дать тебѣ прослыть за шута передъ свѣтомъ?
Нѣтъ, вѣрно не имѣлъ! Но умъ тебѣ былъ данъ;
Ты могъ бы сдѣлаться почтенъ отъ согражданъ
Безъ притчей и безъ одъ! — Взманилъ тебя лукавой!
Ты ими захотѣлъ знакомиться со славой —
И тотчасъ всѣ шесты и полки въ кладовыхъ
Скрыпя погнулися подъ тяжестію ихъ,
Всѣ лавки, лавочки, прилавки и окошки,
Мѣшки разнощиковъ, на площадяхъ рогожки,
Твоей прилѣжности наполнились плодомъ,
Который сталъ покрытъ и пылью и стыдомъ.

(*) Извѣстный стихъ Сумарокова кстати пришелъ на память.

Ты скажешь, можетъ быть, какія въ томъ напасти,
Что такъ я предаюсь моей *стиховной* страсти,
И отдавать люблю въ печать мои труды? —
Конечно, Бавій, нѣтъ великой въ томъ бѣды;
Законъ, правительство не терпятъ потрясенья:
Но посрамляется вѣкъ вкуса, просвѣщенья!
Къ томужъ, какой примѣръ Поэтамъ молодымъ?
Иной нечаянно пойдетъ путемъ твоимъ;
Не объ изящности захочетъ онъ стараться,
Захочетъ книгъ числомъ съ тобою поравняться,
Прибѣгнетъ наконецъ къ издателямъ газетъ —
Въ минуту *аксіосъ* — и новый нашъ поэтъ,
Дивяся лёгонькой къ безсмертію дорогѣ,
Съ Державинымъ себя встрѣчаетъ въ каталогѣ,
И мыслитъ не шутя, что равенъ сталъ ему!
Онъ будетъ цѣлой вѣкъ негоденъ ни къ чему;
И кто же, какъ не ты, причиною разврата?
Не ты ли насъ лишилъ полезнаго собрата? —
Ужель не вреденъ ты? — Но мой напрасенъ трудъ!
Потомство дастъ тебѣ нелицемѣрный судъ:
Потомства не купить ни завтракомъ, ни баломъ!
Услышишь приговоръ передъ его зерцаломъ;
И знаешь ли, какой ужасной приговоръ? . . . .
Ты, Бавій, и тобой произведенный вздоръ,
Святой Поэзіи служащій къ поношенью,
Вовѣки преданы не будете забвенью:

Чтобъ именемъ твоимъ именовать другихъ
Похожихъ на тебя товарищей твоихъ,
Чтобы стихи въ примѣръ галиматьи ходили
И всѣ бы наизустъ для смѣха ихъ твердили.
Вотъ слава чѣмъ тебя желаетъ увѣнчать!
Пиши еще, пиши — и отдавай въ печать.

2.

КЪ ПРІЯТЕЛЮ ВЪ СТОЛИЦУ.

(Изъ С. . . . 1810.)

Любезный братъ по Аполлонѣ,
Товарищъ юности моей!
Въ какомъ предписано законѣ
Позабывать своихъ друзей?
Читалъ я трижды Уложенье,
Читалъ разъ десять Учрежденье,
Уставъ о соли, о винѣ;
Но казусовъ сихъ непріятныхъ
Въ указахъ даже сепаратныхъ
Совсѣмъ не попадалось мнѣ.

Или у жителей Столицы
Таковъ уже обычай сталъ,
Чуть шагъ изъ городской границы —
Прости, какъ будто не живалъ!
Писать въ провинцію имъ стыдно!
Судя по этому, такъ видно,
Что мы для васъ — пустая тварь.
Но не гордитесь передъ нами:

Взгляните вы, — насъ вносятъ съ вами
Въ одинъ же Адрессъ-Календарь.

Иль, посвятя все время службѣ,
Пріятель драгоцѣнный мой
Часочка дать не хочетъ дружбѣ,
Не хочетъ знаться ужь со мной?
Да развѣ онъ перемѣнился?
Давно ли въ немъ воспламенился
Такой похвальный къ службѣ жаръ?
Я не забылъ, какъ мы живали;
Служа — не рѣдко посѣщали
И лѣтній садъ и булеваръ.

Иль Музы, божескою властью
Всѣ способы употребя,
Гордяся къ нимъ твоею страстью,
Ужь полонили такъ тебя,
Что ты лишь къ нимъ любовью таешь,
Для нихъ лишь только работаешь?
Онѣ и такъ вѣночекъ вьютъ. —
Или красоточки земныя,
Не столь спѣсивыя, ручныя,
Тебѣ покоя не даютъ?

Или ты началъ жить по модѣ,
Привыкнувъ сущій вздоръ мечтать,

„Что дружбу лишь въ *простомъ народѣ*
За благо должно почитать
И чувство самое святое;
Что въ *знатности* она — пустое!
Тамъ лучше ловкой лицемѣръ;
А для Пилада и Ореста
Ужь ныньче не дадутъ и мѣста,
И брать не должно ихъ въ примѣръ!"

Повѣрь, мой другъ, что дружба въ мірѣ
Для всѣхъ людей нужна равно:
Въ шугаѣ, въ армякѣ, въ мундирѣ,
Всѣ чувствуютъ отъ ней одно.
Спроси ты даже и у знатныхъ,
Что мыслятъ въ тѣхъ часахъ пріятныхъ,
Когда въ согласіи съ собой;
Мнѣ кажется, что на досугѣ
Имѣютъ также нужду въ другѣ,
Въ любви чистѣйщей и простой.

Но время кончить поученье
И всѣ запросы отложить!
Скажу я только въ заключенье,
Что если хочешь мирно жить
И впредь со мною не браниться,
То чуръ ужь больше не лѣниться!
Пиши, что въ голову придетъ;
Вѣдь новостей у васъ не мало!

Стопы иномубъ недостало,
Кто все подъ перышко кладетъ.

А я въ моей укромной хатѣ
Пріятно, хорошо живу,
Какъ въ Царской будто бы палатѣ,
И счастья больше не зову:
Женой и сыномъ я любуюсь,
То съ нимъ, то съ нею поцѣлуюсь,
И порезвюсь и пошалю,
Какъ водится въ подлунномъ свѣтѣ;
То запираюсь въ кабинетѣ,
И тамъ я — на диванѣ сплю.

Когдажъ наскучитъ мнѣ беспечность,
Читаю, иль стихи пишу.
Стихами не стремлюсь я въ вѣчность,
На Пиндѣ мѣста не прошу,
А такъ лишь изрѣдка отъ скуки
Беру мою свирѣлку въ руки, —
Не для Вельможъ, не для Князей;
Пускай другіе ихъ ласкаютъ
И лесть какъ пыль въ глаза пускаютъ:
Пишу я для моихъ друзей.

Мой домъ я рѣдко покидаю.
Ты, вѣрно, пожелаешь знать,

Съ какимъ я людомъ обитаю,
И, вѣрно, просишь описать?
Изволь, — да только по пустому
Желанью слѣдовать такому!
Не думаешь ли, что у насъ
Изъ всей обширной столь вселенной
Живетъ народъ какой отмѣнной?
Нѣтъ! тотъ же все, какъ и у васъ.

Бываетъ въ радости и въ горѣ,
Бранитъ и хвалитъ бѣлой свѣтъ,
Купается въ житейскомъ морѣ
И любитъ суету суетъ.
Здѣсь сущая у насъ столица,
Здѣсь разныя увидишь лица:
Увидишь грубыхъ гордецовъ,
Любителей придворныхъ тоновъ,
Людей, рожденныхъ для поклоновъ,
Ханжей, и мотовъ и скупцовъ.

И здѣсь Амуръ беретъ въ оковы,
Имѣетъ Бахусъ олтари,
И здѣсь Судьи есть *Простаковы*
И *Кохтины* Секретари;
И здѣсь старушки вѣстовщицы
Развозятъ были, небылицы,
И сѣютъ плевелы въ домахъ,
Смотря съ улыбкой на раздоры;

И словомъ: ящичекъ Пандоры
Ужь былъ и въ нашихъ сторонахъ.

Однакожъ, правду молвить должно —
За чѣмъ же совѣстью играть? —
И здѣсь — съ умкомъ и осторожно
Людей кто можетъ выбирать —
Найдетъ кружокъ друзей любезныхъ,
Въ бѣдахъ и горестяхъ полезныхъ,
Прекрасныхъ разумомъ, душой, —
Друзей, какихъ на свѣтѣ мало,
Какихъ, сказалъ бы, не бывало,
Коль не былъ бы знакомъ съ тобой.

3.

КЪ ПРАВДОСЛОВУ.

Къ чему осмѣивать житейскіе пороки?
Къ чему намъ все твердить старинные уроки?
Опомнись, Правдословъ! — И кто тебѣ далъ власть
Бранить весь бѣлой свѣтъ? — Великаяль напасть,
Что люди въ темнотѣ и ощупью лишь бродютъ,
Когда пріятность въ томъ себѣ они находютъ?
Ты хочешь освѣщать! — Предвидишь ли конецъ?
Ты вѣрно думаешь, что ты осьмой мудрецъ,
И что чрезъ строгіе отборные уставы
Поправить можешь ты испорченные нравы?
Но что тебѣ, скажи, за нужда до людей?
Живи — и въ хижинкѣ смирнехонько своей
Ты наслаждайся всѣмъ, чѣмъ небо повелѣло;
На глупости — смотри; учить — твое ли дѣло?
Вѣдь сколько ни учи, свѣтъ будетъ все таковъ,
Что въ немъ большая часть плутовъ и дураковъ.

Къ тому же, у тебяль потребуютъ отвѣта,
Какъ у подъячаго явилась вдругъ карета,
Хотя его весь родъ всегда пѣшкомъ ходилъ?
Господь ли самъ его за *вклады* наградилъ,

Или пріятели, его знавъ недостатокъ,
Условились помочь ему — или отъ взятокъ?...
Ты знаешь, какъ свое имѣнье онъ скопилъ:
У истца домъ большой безденежно купилъ;
Отвѣтчикъ подарилъ ему свое помѣстье:
Ты знаешь, но молчи, — съ тебяжъ возьмутъ *безчестье*,
Какъ плута точно тѣмъ, что есть онъ, назовешь,
И отъ несчастія самъ вѣрно не уйдешь.
Не должно о плутахъ судить здѣсь слишкомъ строго;
Они защитниковъ вездѣ имѣютъ много.

Никто, о Правдословъ! не спроситъ у тебя,
За чѣмъ *Безмозгинъ* чтитъ умнѣе всѣхъ себя,
И какъ въ чины попалъ съ пустою головою?
Извѣстно, что въ чины онъ выведенъ женою,
А умнымъ почитать себя сталъ отъ чиновъ.
О чемъ тутъ спрашивать? Примѣръ сей ужь не новъ;
Не тысячи такихъ мы видѣли примѣровъ,
Что жены дѣлали вельможъ и кавалеровъ.
Съ Адама хоть пройди до грѣшныхъ сихъ временъ,
Большая часть мужей счастлива лишь отъ женъ.
Кто хочетъ поскорѣй со знатными сравниться,
Тотъ на красавицѣ старается жениться;

Онъ знаетъ, что хотя и будетъ онъ рогатъ,
Но тѣ рога ему придутся не въ накладъ:
Рогами къ почестямъ дорогу прочищаютъ,
Манятъ къ себѣ друзей, противниковъ стращаютъ.
Лишь только въ старину имѣть стыдились ихъ;
А нынче. . . . Но пора сказать и о другихъ,
Которыхъ наставлять ты хочешь также тщетно.

Пускай по совѣсти и очень ужь примѣтно,
Что *Золинъ* злость свою смиреніемъ одѣлъ,
И думаетъ, что скрыть отъ всѣхъ ее умѣлъ,
И будто бы никто того не понимаетъ,
Когда онъ на себя личину надѣваетъ,
Когда онъ о любви ко ближнему твердитъ,
А въ сердцѣ — зависти и злобы адъ кипитъ;
Но съ пользой ли твое тутъ будетъ попеченье,
Чтобъ въ изверга сего чрезъ кроткое ученье
Любовь къ добру вселить? — Повѣрь мнѣ,
Правдословъ,
Что легче грамотѣ всѣхъ выучить ословъ,
Павлиновъ, филиновъ по нотѣ пѣть заставить,
Чѣмъ одного змѣя принудить ядъ оставить.
Природа для того хотѣла зло создать,
Чтобъ стали болѣе добро мы уважать!
Твой *Золинъ* отъ своей привычки не отстанетъ;
Онъ будетъ грабить всѣхъ — доколѣ громъ не
грянетъ,

Доколѣ мститель Богъ, зря все съ высотъ небесъ,
Зря, сколько вдовъ, сиротъ онъ лишь заставилъ слезъ,
Не поразитъ его перунною стрѣлою!
Тогда разкается — но волею святою
Разстаться принужденъ онъ съ подлою душой!
И тамъ, вокругъ его стѣснившися толпой,
Обиженные всѣ противъ него возстанутъ,
Всесильнаго молить единогласно станутъ
Злодѣя наказать: чтобъ всѣ его дѣла,
Которыя сносить едва земля могла,
Изъ памяти его во вѣкъ не истреблялись,
И тѣни вдовъ, сиротъ, ему всегда являлись!

Какъ можетъ человѣкъ не помышлять о томъ,
Что раноль, поздно ли, онъ сей оставитъ домъ;
Что сколько въ жизнь свою о всемъ ни суетится,
Но только мигъ одинъ, — и онъ со всѣмъ простится,
И все покинетъ здѣсь, чѣмъ жизнь *красна* была:
Съ собою же возметъ — однѣ свои дѣла!

Прости мнѣ, Правдословъ, я право позабылся;
За что тебя бранилъ, я въ то же самъ пустился, —
Въ нравоученіе. — Такой ли нынѣ вѣкъ?
Чрезъ то враговъ однихъ и ты себѣ навлекъ.
Смотри, какъ на тебя писатели грозятся!
Страшись ихъ, Правдословъ, они совокупятся

И общей силою пойдутъ противъ тебя;
Они не пощадятъ ни перьевъ, ни себя.
И по дѣломъ тебѣ! За чѣмъ ты ихъ творенья,
Уже умершія со времени рожденья,
Своею критикой къ стыду ихъ воскресилъ?
Къ чему вмѣшался ты и кто тебя просилъ
Тому напоминать, и въ тонѣ слишкомъ строгомъ,
Что уморительнымъ всегда онъ пишетъ слогомъ?
Что въ одахъ, коими даритъ онъ бѣлой свѣтъ,
Одинъ лишь слышенъ громъ, а смыслу крошки нѣтъ?
Тому, что въ авторство раненько онъ пустился,
А лучшебъ грамотѣ прилѣжнѣй поучился?
Другой ненравится тебѣ лишь отъ того,
Что много написавъ, не скажетъ ничего;
Иному говоришь, чтобы разбилъ онъ лиру,
Что *Пиндаръ* на него писать хотѣлъ *сатиру*;
Однако отмѣнилъ намѣренье свое,
Боясь, чтобъ онъ не сталъ переводить ее. —
Когдажъ ты наконецъ прозаиковъ коснулся,
Тогда, о Правдословъ! я право ужаснулся.
Ты колешь ужь не въ бровь, а въ самые глаза!
Ты пишешь, что *Филонъ*, не зная ни аза,
По полудюжинѣ книгъ разомъ выпускаетъ,
И послѣ съ радостью въ толкучемъ ихъ встрѣчаетъ;

Что *Глуповъ*, съ важностью засѣвши въ кабинетъ,
Мечтаетъ, что онъ Кантъ, Невтонъ, Руссо, Боннетъ,
О всѣхъ матеріяхъ чертитъ неустрашимо
И изъясняется всегда неизъяснимо;
Что *Музинъ* фабрику заводитъ новыхъ словъ,
Невразумительныхъ и для большихъ умовъ,
Что многихъ авторовъ онъ держитъ подъ искусомъ
И учитъ весть войну съ пріятностью и вкусомъ;
Сердечкинъ отъ того не нравится тебѣ,
Что вѣчно слезы льетъ по всемъ и по себѣ,
А если съ милою чувствительной улыбкой
Онъ хочетъ разсмѣшить, то плачутъ всѣ ошибкой.
И прочихъ, Правдословъ, ты также не жалѣлъ;
Но пользу отъ того какую ты имѣлъ?
Отъ брани авторы писать не перестанутъ.
Какая нужда имъ, что ихъ читать не станутъ?
Большая часть изъ нихъ, безсмертія въ залогъ,
Стремится лишь попасть скорѣе въ каталогъ.

И такъ, уймись, мой другъ! оставь людей на волю!
Пусть каждый глупости свою имѣетъ долю;
Какая нужда въ томъ? что трогаетъ тебя?
Ты смѣйся и молчи, и знай лишь самъ себя. —

Но ты нахмурился! Что значитъ видъ сей грозный?
„Возможноль не бранить“ ты мнишь: „сей свѣтъ несносный,
Гдѣ только глупость зришь и съ ней страстей соборъ;
Гдѣ зришь повсюду лесть, коварство, злость, раздоръ;
Гдѣ бѣдный угнѣтенъ, и гдѣ богачь возвышенъ;
Гдѣ гласъ невинности при золотѣ лишь слышенъ;
Гдѣ добродѣтели нигдѣ мѣстечка нѣтъ:
Возможноль не бранить такой несносный свѣтъ?“
Что свѣтъ сей нехорошъ, я самъ съ тобой согласенъ;
Да только небранись: твой будетъ трудъ напрасенъ.
Не мало было ужь такихъ проповѣдей,
Но помоглиль онѣ перемѣнить людей?
Мой другъ! совѣтую тебѣ я не трудиться. —
Блаженъ, кто съ глупыми нашелъ секретъ ужиться,
И ждетъ, пока опять, какъ было въ старину,
Научатся летать за разумомъ въ луну!

ПРИЗНАНІЕ.

ПРИЗНАНІЕ.

Тфу, пропасть! какъ ни бьюсь, стихи на умъ нейдутъ,
И риѳмы отъ меня и мысли прочь бѣгутъ!
За чтожъ наказанъ сталъ теперь я небесами?
Я помню, что ко мнѣ ходили риѳмы сами;
Бывало, никогда совсѣмъ ихъ не искалъ,
И цѣлые листы не думавши писалъ!
А нынѣ — Боже мой! разъ по сту начинаю,
Хочу писать, хочу, — но что писать — не знаю,
И сколько самъ себя я много ни люблю,
Но видя то, и самъ себя ужь не хвалю.

Возьмусь ли, на примѣръ, побѣды славить громки,
О коихъ знать моглибъ и поздные потомки;
Уже съ Херасковымъ я на Парнассъ лечу,
Какъ онъ ихъ воспѣвалъ, подобно пѣть хочу;
Я чистыхъ девять сестръ въ пособье приглашаю,
Фигуры съ тропами рачительно сбираю,
Хочу прославиться — и весь подлунный свѣтъ
Пусть скажетъ обо мнѣ: великой онъ Поэтъ!

Но чтожъ? Лишь запою . . . увы! я самъ тер-
заюсь!
Вы знаете, друзья, кому уподобляюсь:
Строфами длинными читателя душу,
И слогомъ Библіи реляцію пишу. —
(Лишь разъ я сочинилъ изрядную поэму;
Скажу не хвастая: удачно выбралъ тему,
Петра воспѣлъ, — и двумъ народамъ угодилъ —
И Карла и Петра вездѣ равно хвалилъ.)

Воспѣть ли захочу торжественную оду
Къ Христову Рождеству, на Пасху, къ Нову
году. . . . .
Легка лишь *красная* бываетъ мнѣ строка;
А тутъ — кричу, кричу: взнесись за облака,
Взнесись, пари, мой духъ! пляшите холмы,
горы!
Ликуйте берега! всѣ вѣтры скройтесь въ норы!
Внемли вселенна мнѣ! я зрю въ кругу планетъ!...
Высоко, хорошо, да только смыслу нѣтъ.
Совѣтуютъ мнѣ сжечь, — охотно соглашаюсь;
И отдохнувъ, писать другую принимаюсь:
Большому барину на орденъ, иль на чинъ,
Который данъ ему въ день Царскихъ имянинъ;
Или какъ у него сынокъ, иль дочь родится
И тѣмъ любовь его къ супругѣ наградится —

Начну, какъ водится, смиренно восхвалять,
Великимъ въ древности мужамъ уподоблять,
И, если онъ читать немножко хоть умѣетъ,
Пишу, что разума онъ больше всѣхъ имѣетъ,
Что Локкъ, Невтонъ предъ нимъ не значатъ ничего,
И врядъ достойны ли учиться у него;
Пишу — хоть не бывалъ онъ вѣкъ на ратномъ полѣ —
Вселенная гласитъ: *Смоленскаго ты болѣ!*
Вѣдь можно и тому весьма искусно лгать,
Кто риѳмы коё-какъ умѣетъ прилагать.
Однако я и въ томъ читателю признаюсь,
Что въ одахъ таковыхъ лишь съ тѣми я равняюсь,
Которые всегда готовы всѣхъ хвалить,
Чтобъ сотенку рублей, или чинокъ схватить,
Которые на Пиндъ съ большимъ стремятся жаромъ
За тѣмъ лишь, что себѣ тамъ хлѣбъ находятъ даромъ.

Когда же написать я оды не могу,
То въ поле пестрое, или къ ручью бѣгу,
Лилеи, ландыши съ фіалками сбираю
И *чистою рукой* вѣнки изъ нихъ сплетаю;

Или на холмикѣ возвышенномъ сижу
И съ холмика на кедръ, обросшій мхомъ, гляжу;
Вдали зрю рощицу зеленую, густую,
А тамо хижинку убогую, простую —
И слезъ *чувствительныхъ* тутъ столько я налью,
Что ими омочу не только грудь мою,
Но даже холмикъ весь и всѣ его цвѣточки
И всѣ сплетенные изъ ландышей вѣночки.
Когдажъ разтрогаю симъ сердце, разумъ мой,
Тогда я полечу стремглавъ къ себѣ домой
Въ намѣреньи писать такое, что бы было
Разумно и остро, и гладко, и уныло,
И въ сильномъ томъ жару присяду я къ *бюро*,
Бумаги десть беру, чернильницу, перо,
Всѣ пальцы я себѣ въ восторгѣ искусаю
И мысли новенькой, печальной ожидаю;
Полна ихъ голова — а чтожъ изъ головы?
Къ читателямъ летятъ лишь *ахи*, да *увы*,
Для сердца и ума ужасное страданье! . . . .

Хочу ли испытать и въ притчахъ дарованья?
Бюффонъ передо мной — вотъ списокъ всѣхъ звѣрей!
Вотъ птички, мотылки, чудовища морей!
Любыхъ беру, а все — мученье со скотами! —
То голубь у меня является съ зубами,

То ужъ съ колѣнами, то прыгаетъ паукъ,
То мухѣ смерть пришла отъ ласточкиныхъ
рукъ! . . . .
Недавно и съ осломъ я до поту пробился:
Лишь началъ я, — а онъ въ ослицу превратился, —
И вышла чепуха. — О Федръ! о Лафонтенъ!
За чѣмъ не дожили до нынѣшнихъ временъ!

И такъ по совѣсти теперь признаться
должно,
Что мнѣ прославиться стихами не возможно.

Жестокой Аполлонъ! немилосердый богъ!
Скажи, я чѣмъ тебя прогнѣвать столько могъ,
Что взоръ свой на меня никакъ не обращаешь,
Моленія мои и жертвы презираешь!
Еще ли мало ихъ тебѣ я посвящалъ? —
Уже я отъ стиховъ какъ спичка истощалъ,
Не сплю отъ нихъ, не ѣмъ, и день и ночь
страдаю,
А пользы никакой и впредь не ожидаю!
Что дѣлать мнѣ? увы! — *Не сочиняй стиховъ.* —
О гласъ божественный! не радъ я, да готовъ.

А вы, товарищи, сотрудники любезны,
Ліющіе отъ рифмъ, какъ я, потоки слезны!
Внемлите мнѣ, я къ вамъ мой обращаю гласъ:
Оставимъ для другихъ утесистой Парнассъ!

Напрасно мы хотимъ на верхъ его взмоститься:
Безумно воробьямъ во слѣдъ орловъ стремиться!
Должны ли воду мы Кастальскую мутить?
Не намъ ее судьба опредѣлила пить.
Когда не чувствуемъ небесъ мы вдохновенья,
То наши нѣжныя и громкія творенья,
Какой бы намъ собой ни приносили трудъ,
Покажутся на свѣтъ и — тотчасъ перемрутъ.
Не лучше ли сіе рукомесло оставить?
Послушайтесь — пора подобныхъ намъ убавить.

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. *Стихи, писанные во время бывшей съ Французами войны.*

Стран.

Лирическая пѣснь при извѣстіи о кончинѣ Князя П. И. Багратіона. - - - 7
Побѣдителю Наполеона. - - - 10
Моя молитва. - - - - - 13
На погребеніе Генералъ-Фельдмаршала Князя М. Илар. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго. 15
Лирическая пѣснь при извѣстіи о новыхъ побѣдахъ. - - - - - 16
Куплеты. - - - - - - 18
Пѣсня отставнаго солдата. - - - 19
Петръ и АЛЕКСАНДРЪ въ Парижѣ. - 21
Эпитафія Наполеону. - - - - 22
Пѣснь Богу по взятіи Парижа. - - —

2. *Смѣсь.*

Гимнъ красотѣ. - - - - - 27
Къ моей хижинкѣ. - - - - 31
Амуръ. - - - - - - 34
Дафна и Сильвія. - - - - - 35
Мадригалъ. - - - - - - 40
Надпись къ портрету. - - - - —
Пастушокъ. - - - - - - 41

Стран.
Къ Лилѣ. - - - - - - 42
Геро и Леандръ. - - - - - 44
На выздоровленіе любезнѣйшей женщины. 48
Эпитафія. - - - - - - 50
На кончину И. П. Пнина. - - - —
На погребеніе Графа В. А. Зубова. - - 53
Эпитафіи. - - - - - - 55
Къ Танирѣ. - - - - - - 56
Мадригалъ. - - - - - - 58
Невѣрныя часы. - - - - - 59
Шнурочекъ. - - - - - - —
Уязвленный Купидонъ. - - - - 60
Бѣдная Дуня. - - - - - 61
Къ Дорисѣ. - - - - - - 63
Благодарный Амуръ. - - - - 64
Маша, или время всегда одно. - - 66
Къ Аминѣ. - - - - - - 69
Аполлонъ и я. - - - - - 74
Пѣсни. - - - - - - - 75
Слабая подпора. - - - - - 79
Круглая порука. - - - - - 80
Юноша и старикъ. - - - - 81
Зябликъ. - - - - - - 83
Упреки Аполлону. - - - - - 86
Надписи къ портретамъ. - - - 88
Догадка. - - - - - - 89
Никодимъ. - - - - - - 90
Эпиграммы. - - - - - - 91
Разговоръ дяди съ племянникомъ. - - 93

3. *Басни.*

Стран.
Фіалка и подсолнечникъ. - - - - 99
Львы и Оселъ. - - - - 101
Возы съ сѣномъ. - - - - 103
Часовая стрѣлка. - - - - 104
Оселъ силачь. - - - - 105
Свѣтящійся Червячекъ и Алмазъ. - - 106

4. *Посланія.*

Къ Рускому Бавію. - - - 109
Къ пріятелю въ Столицу. - - - 116
Къ Правдослову. - - - - 122

5. *Признаніе.*

H 2 88

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

Preservation Technologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS